

HISTORIA ROSSICA

Людмила Новикова

Провинциальная
“контрреволюция”:

Белое движение
и Гражданская война
на русском Севере
1917–1920

Historia Rossica

Людмила Новикова

**Провинциальная
«контрреволюция». Белое
движение и гражданская
война на русском Севере**

«НЛО»

2011

Новикова Л. Г.

Провинциальная «контрреволюция». Белое движение и гражданская война на русском Севере / Л. Г. Новикова — «НЛО», 2011 — (Historia Rossica)

В глазах многих современников и историков российской Гражданской войны Белое движение было делом прежних имперских элит, не понявших и не принявших революцию. Белые желали вернуть прежнюю Россию. Это подчеркивал и возвышенный цветаевский образ «белогвардейской рати святой», и совсем не поэтичная белая «контрреволюция», о которой писали советские историки. Но к чему в действительности стремились белые правительства? Как белые управляли подконтрольной им территорией и мобилизовывали свои армии? Как население относилось к белым правительствам и к экспедиционным отрядам Антанты, выступившим в поддержку белых? И почему жители российских окраин нередко воевали вместе с белыми против большевиков? Исследование Людмилы Новиковой, посвященное истории антибольшевистской Северной области, – попытка дать ответы на эти вопросы. Основанная на материалах российских и зарубежных архивов, книга обращает главное внимание на политические парадоксы Белого движения, а также на провинциальный контекст белой борьбы, который в значительной мере определил ход и исход российской Гражданской войны.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	6
Краткий обзор источников	11
Структура работы	12
Слова признательности	14
Глава 1	16
Русский Север и российская общественность	22
Политические партии в Архангельской губернии	25
Рабочее и крестьянское движение в Архангельской губернии	31
Первая мировая война и Архангельская губерния	35
Глава 2	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Людмила Геннадьевна Новикова
Провинциальная «контрреволюция»

Издание осуществлено при финансовой поддержке Американского совета научных обществ (American Council of Learned Societies)

© Л.Г. Новикова, 2011

© Оформление. «Новое литературное обозрение», 2011

Памяти моего деда Владимира Николаевича Прохорчева

ВВЕДЕНИЕ

«Белогвардейская рать святая» – такой образной метафорой Марина Цветаева описала суть Белого движения в российской Гражданской войне, развернувшейся после прихода большевиков к власти в Петрограде осенью 1917 г.¹ Этот образ подчеркивал возвышенность и элитизм антибольшевистской борьбы и лежал у истоков одного из эмигрантских мифов о Белом движении, утверждавшем, что белые сражались за «веру», за «правду», за поруганную «честь» родины². Большевики, как и большинство последующих историков, не признавали за белыми какой-либо поэтики и полагали, что последними двигало прагматичное желание вернуть себе былые привилегии, отобранное имущество и восстановить непопулярный царский режим. Однако они также подчеркивали элитистский образ белых режимов, стремившихся вернуть «старую Россию». Эта книга, посвященная Гражданской войне и Белому движению на Севере России, ставит под вопрос традиционный образ белой «контрреволюции» и показывает сложную и полную парадоксов природу Белого движения. Рассматривая Белое движение одновременно «сверху» и «снизу», книга показывает, что российская «контрреволюция» подтвердила многие из результатов революции. Кроме того, не являясь уделом лишь политических элит, Белое движение встречало сочувствие и содействие простого населения, нередко становившегося добровольным участником белой борьбы. Наконец, белые часто демонстрировали политическую гибкость и прагматизм, приспособляясь к местным условиям своего существования.

Прежняя историография обращала основное внимание на консервативные стороны белой политики и на представителей имперских элит в рядах Белого движения, прежде всего, потому что пыталась таким образом объяснить причины поражения белых армий. Многие историки видели ключ к неудачам белых в их стремлении повернуть ход революции вспять. Как писал один исследователь, белые были «узкими консервативными националистами», опиравшимися на имущее меньшинство населения. Их нелюбовь к массовой политике и нежелание выработать прогрессивную социальную программу лишили их последователей, а в конечном итоге и победы³. Конечно, политика советской власти в годы Гражданской войны также была не во всем популярной. Но «нелюбовь крестьян к большевикам, – говоря словами другого историка, – казалось, была не настолько сильна и, конечно, не настолько внедрена в сознание, как их ненависть и страх перед старым политическим порядком», который несли с собой белые армии⁴. Кроме того, отмечается, что белые не сумели найти общий язык с нерусским населением имперских окраин, а также с умеренными социалистами, которые могли бы стать их союзниками в борьбе против большевиков. Успехам белых сил препятствовало и то, что они располагались на периферии страны, небогатой людскими и промышленными ресурсами⁵. Но

¹ Цветаева М. Дон // Цветаева М. Лебединый стан, стихи 1917–1921 гг. / Ред. Г.П. Струве и Ю.П. Иваск. Мюнхен, 1957. С. 27.

² Наиболее яркое изложение этого мифа см.: Ильин И.А. Белая идея. (Вместо предисловия) // Белое дело. Летопись белой борьбы / Ред. А.А. фон Лампе. Берлин, 1926. Т. 1. С. 7–15.

³ Swain G. The Origins of the Russian Civil War. London, 1996. P. 3. Об этом же см.: Chamberlin W.H. The Russian Revolution, 1917–1921. Princeton, 1987. Vol. 2. P. 455; Kenz P. The Ideology of the White Movement // Soviet Studies. 1980. Vol. 32. № 1. P. 58–83; Kenz П. Идеология белого движения // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 94–105; Mawdsley E. The Russian Civil War. 2nd ed. Edinburgh, 2000. P. 280–282.

⁴ Figes O. Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution (1917–1921). Oxford, 1989. P. 5, 126.

⁵ О взаимоотношениях белых правительств с правительствами национальных окраин см., в частности: Procyk A. Russian Nationalism and Ukraine: The Nationality Policy of the Volunteer Army during the Civil War. Edmonton, 1995; Brüggemann K. Die Gründung der Republik Estland und das Ende des «Einen und unteilbaren Rußland». Die Petrograder Front des Russischen Bürgerkriegs 1918–1920. Wiesbaden, 2002; Смолит А. Белое движение на Северо-Западе России, 1918–1920 гг. СПб., 1999. Об отношениях с умеренными социалистами см.: Swain G. The Origins of the Russian Civil War. О значении окраинного распо-

именно в реакционной политике белых и их нежелании понять и принять революцию многие историки видели главную причину их поражения.

После падения Советского Союза, которое открыло доступ к советским архивам и вызвало новую волну интереса к историческим альтернативам коммунистическому режиму, Белое движение стало популярной темой в историографии⁶. Последние годы принесли новые глубокие исследования о Белом движении в Сибири и на Северо-Западе страны. Пополнилось число работ об антибольшевистской борьбе на Юге России⁷. Появилось несколько обобщающих трудов о Белом движении⁸. Вышли в свет научные биографии некоторых лидеров белой борьбы⁹. Но, хотя новейшая историография обращает больше внимания на местные условия существования белых режимов и на личности белых лидеров, в аналитических исследованиях Белое движение в целом по-прежнему представлено преимущественно как реакционное, а белые режимы – как непопулярные и политически некомпетентные.

Но почему же белым вообще удалось составить конкуренцию большевикам, присвоившим себе красное знамя революции? Как они смогли стать серьезной угрозой власти Совнаркома в центре страны? Убедительных ответов на эти вопросы нет, так как мы до сих пор слишком мало знаем о низовом функционировании белых режимов. В то время как главный фокус исследований российской революции уже давно сместился сверху вниз и из столиц в регионы, когда историки пытаются понять укрепление большевистского влияния, изучая местные особенности экономики, социальной структуры, этнического и религиозного состава населения¹⁰, история Белого движения остается по-прежнему в первую очередь историей белого командования, армии и политических элит.

Однако объяснить развитие российской революции и Гражданской войны невозможно, не зная, что происходило по другую сторону белых фронтов. Как белые управляли территорией, находившейся под их контролем? Как они мобилизовывали свои армии? Каковы были взаимоотношения между антибольшевистскими военными и политиками и провинциальными элитами? Как обычное население относилось к белым правительствам и их политике, а также

жения см., например: *Smele J. Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918–1920. Cambridge, 1996.*

⁶ О новейшей историографии Гражданской войны и Белого движения см.: *Ушаков А.И., Федюк В.П. Гражданская война. Новое прочтение старых проблем // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / Ред. Г.А. Бордюгов. М., 1996. С. 206–221; Михайлов И.В. Гражданская война в современной историографии: виден ли свет в конце тоннеля? // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. Сборник памяти Ю.И. Кораблева. М., 2002. С. 639–655; Новикова Л.Г. Гражданская война в России в современной западной историографии // Отечественная история. 2005. № 6. С. 142–158; *Голдин В.И. Россия в гражданской войне: Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск, 2000.**

⁷ См., в частности: *Smele J. Civil War in Siberia; Pereira N. White Siberia: The Politics of Civil War. Montreal, 1996* (сокращенный перевод: *Перейра Н. Сибирь: политика и общество в Гражданской войне. М., 1996*); *Смолин А. Белое движение на Северо-Западе России; Brüggemann K. Die Gründung der Republik Estland und das Ende des «Einen und unteilbaren Rußland»; Федюк В.П. Белые. Антибольшевистское движение на юге России. 1917–1918 гг. М., 1996; Карпенко С. Очерки истории белого движения на Юге России, 1917–1920 гг. М., 2002. Самым фундаментальным исследованием Белого движения на Юге России остается двухтомная работа П. Кенеза. См.: *Kenez P. Civil War in South Russia, 1918: The First Year of the Volunteer Army. Berkeley, 1971; Idem. Civil War in South Russia, 1919–1920: The Defeat of the Whites. Berkeley, 1977.**

⁸ *Katzer N. Die Weisse Bewegung in Russland: Herrschaftsbildung, praktische Politik und politische Programmatik im Bürgerkrieg. Köln, 1999; Зимина В.Д. Белое дело взбунтовавшейся России: политические режимы Гражданской войны 1917–1920 гг. М., 2006.*

⁹ См., например: *Зырянов П.Н. Адмирал Колчак: Верховный правитель России. М., 2006; Ушаков А., Федюк В. Лавр Корнилов. М., 2006.*

¹⁰ См., например: *Figes O. Peasant Russia, Civil War; Raleigh D. Revolution on the Volga: 1917 in Saratov. Ithaca, 1986* (перевод: *Рейли Д. Политические судьбы российской губернии: 1917 в Саратове. Саратов, 1995*); *Idem. Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922. Princeton, 2002; Яров С.В. Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918–1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб., 1999; *Penter T. Odessa 1917: Revolution an der Peripherie. Köln, 2000; Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001; Karsch S. Die bolschewistische Machtergreifung im Gouvernement Voronež (1917–1919). Stuttgart, 2006; *Badcock S. Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History. Cambridge, 2007; Retish A. Russia's Peasants in Revolution and Civil War: Citizenship, Identity, and the Creation of the Soviet State, 1917–1922. Cambridge, 2008.***

к участвовавшим в Гражданской войне экспедиционным силам Антанты, выступившим в поддержку белых? И почему жители окраин нередко воевали вместе с белыми против большевиков?

Данная книга пытается дать более комплексный анализ Белого движения и ответить на эти вопросы, рассмотрев белую борьбу одновременно «сверху» и «снизу» на материале антибольшевистской Северной области. Белое движение представлено здесь как более гибкое, прагматичное и не настолько политически некомпетентное, как обычно принято считать. Как показывает пример Северной области, белые режимы могли сплачивать различные политические силы и опирались на часто неожиданные политические альянсы. Они учитывали многие изменения, принесенные революцией, и по крайней мере в отдельные моменты пользовались симпатиями и поддержкой населения, нередко добровольно выступавшего на стороне белых против большевиков.

Белый режим на Севере России был одним из главных политических противников большевиков в годы Гражданской войны. Тем не менее события в Северной области до сих пор остаются сравнительно мало изученными. Так как белая северная армия никогда не представляла самостоятельной угрозы для власти большевиков в центре страны, историки обращались к Северу значительно реже, чем, например, к более значительным с военной точки зрения белым режимам Юга и Востока России. В советской и даже современной российской историографии Гражданская война на Севере до сих пор рассматривалась в первую очередь, как последствие имевшей место здесь интервенции стран Антанты¹¹. Тем временем западные исследования Белого движения на Севере, как правило, не учитывают документы из российских архивов и ограничены немногими статьями, неопубликованными диссертациями и устаревшей работой участника Белого движения Л. Страховского, вышедшей в свет в середине 1940-х гг.¹²

Несмотря на ограниченный интерес к ней, антибольшевистская Северная область, покрывавшая самую обширную в европейской части России Архангельскую губернию¹³, служит превосходным примером для изучения парадоксов Белого движения. После краткого правления большевиков, которые не смогли после 1917 г. упрочить на Севере свои позиции, Архангельская губерния около полутора лет – с августа 1918-го по февраль 1920 г. – находилась под властью антибольшевистского правительства. Относительно стабильная территория Северной области – следствие малой подвижности фронта – позволила белым выстроить более устойчивую администрацию, экспериментировать с политическими реформами и наладить взаимодействие с населением и региональными элитами, которые часто поддерживали белых в борьбе против большевиков.

Пример Северной области может опровергнуть устоявшееся представление о непримиримых конфликтах в антибольшевистском движении между офицерами и политиками, левыми и правыми. На Севере социалисты всегда присутствовали в кабинете, главой которого, по

¹¹ См., например: *Кедров М.С.* Без большевистского руководства (Из истории интервенции на Мурмане: Очерки). Л., 1930; *Мишч И.И.* Английская интервенция и северная контрреволюция. М.; Л., 1931; *Мыльгин Г.Е.* Англо-американская военная интервенция на Севере и ее разгром 1918–1920 гг. Архангельск, 1953; *Тарасов В.В.* Борьба с интервентами на Севере России (1918–1920 гг.). М., 1958; *Овсянкин Е.И.* Архангельск: годы революции и военной интервенции 1917–1920. Архангельск, 1987; *Голдин В.И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. М., 1993; *Голдин В.И., Журавлев П.С., Соколова Ф.Х.* Русский Север в историческом пространстве российской Гражданской войны. Архангельск, 2005.

¹² *Strakhovsky L.* Intervention at Archangel: The Story of Allied Intervention and Russian Counter-Revolution in North Russia, 1918–1920. Princeton, 1944; *Long J.* Civil War and Intervention in North Russia, 1918–1920. Ph.D. diss. Columbia University, 1972; *Karasik T.* Revolution and Civil War in Arkhangel'sk, 1917–1920. Ph.D. diss. Los Angeles: University of California, 1999; *Kotsonis Y.* Arkhangel'sk, 1918: Regionalism and Populism in the Russian Civil War // *Russian Review*. 1992. Vol. 51. № 4. P. 526–544.

¹³ По административному делению на 1918 г. Архангельская губерния включала в себя девять уездов: Александровский, Архангельский, Кемский, Мезенский, Онежский, Печорский, Пинежский, Холмогорский и Шенкурский. Некоторые волости в южной части губернии большую часть Гражданской войны находились под контролем красных сил. Но, в свою очередь, в отдельные периоды в белую Северную область входили волости Повенецкого уезда Олонецкой губернии и Яренского и Усть-Сысольского уездов Вологодской губернии.

крайней мере формально, до конца существования Северной области являлся старый революционер Н.В. Чайковский. А военная власть генерал-губернатора Е.К. Миллера укреплялась не вопреки сопротивлению левых кругов, а во многом благодаря их поддержке. В антибольшевистском руководстве часто формировались неожиданные политические альянсы, которые скрепляли Белое движение и были одной из основ его военных успехов. Широкое взаимодействие внутри антибольшевистской военной и политической элиты на Севере подчеркивает, насколько формальным является традиционное разделение между эсеровскими правительствами и генеральскими диктатурами или между более широким антибольшевистским движением и консервативно-монархическим белым его крылом¹⁴. Белое и антибольшевистское движения не являлись совершенными синонимами, однако границы между ними были проницаемы и текучи, а реальность – смешанной и противоречивой¹⁵.

Хотя политическая гибкость не являлась главной отличительной чертой белых режимов, пример Северной области показывает, что белые приспосабливались к обстоятельствам пореволюционной России и к местным условиям своего существования. Желая или не желая того, белые офицеры и антибольшевистские политики признавали политический рубеж 1917 г. Главным вектором белой политики не была попытка возродить в прежнем виде царскую Россию. Белую политику, с одной стороны, определяло национализирующее влияние Первой мировой войны, а с другой стороны, – признание социальных обязательств государства и его ведущей роли в преобразовании общества. Поэтому в Гражданской войне противостояли не коммунистическое будущее и царское прошлое, но два варианта пореволюционного модернизаторского государства¹⁶.

Белые режимы также не существовали исключительно за счет поддержки со стороны прежней общественной элиты и более обеспеченных групп населения. Простые крестьяне и рабочие принимали активное и часто добровольное участие в Гражданской войне на стороне белых. Они смещали непопулярную большевистскую администрацию в уездах и деревнях, создавали добровольческие партизанские отряды, пополняли ряды мобилизованных белых полков и оказывали содействие белой власти и армии, стремясь выжить в невероятно тяжелых условиях Гражданской войны и свести счеты в старых и новых конфликтах, расколовших российскую деревню.

Наконец, Северная область показывает, насколько неразрывно белые режимы были связаны с местными условиями своего существования. Географические, социальные и политические условия российских окраин сыграли решающую роль в судьбе Белого движения, позволив белым сравнительно легко создать свои правительства и армии на территории, которая плохо контролировалась или была вовсе неподконтрольна большевикам. Пример Северной области проливает свет и на важную роль региональных элит в Белом движении, которые со временем смогли добиться значительного влияния на работу Северного правительства.

Условия провинциальной России также помогают лучше объяснить политику белых правительств, которая часто имела смысл только в региональном контексте и являлась прагма-

¹⁴ О разграничении между широким антибольшевистским движением и белыми режимами, под которыми обычно понимают генеральские диктатуры, опиравшиеся на консервативных политиков и офицеров, см., например: *Mawdsley E. The Russian Civil War*. P. xii; *Swain G. The Origins of the Russian Civil War*; *Милюков П.Н. Россия на переломе. Большевистский период русской революции*. Париж, 1927. Т. 2. С. 1–2.

¹⁵ Следуя за С.П. Мельгуновым и рядом современных исследователей, в данной работе понятие «белые» я применяю в широком смысле, включая в него политических противников большевиков от умеренных социалистов до монархистов, которые с оружием в руках выступили против советского правительства после октября 1917 г. См.: *Мельгунов С.П. Н.В. Чайковский в годы гражданской войны. (Материалы для истории русской общественности 1917–1925 гг.)*. Париж, 1929. С. 16; *Pereira N. White Siberia*. P. 5. О сложности попыток разграничить Белое и антибольшевистское движение см. также: *Katzer N. Die Weisse Bewegung in Russland*. S. 10.

¹⁶ Сходство некоторых политических практик пореволюционных правительств, основы которых были заложены в годы мировой войны, уже убедительно показал П. Холквист, исследовавший революцию и Гражданскую войну на Дону. См.: *Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921*. Cambridge, Mass, 2002.

тичным ответом на местные обстоятельства. Также правители белых провинций, оценивавшие обстановку в стране по положению в своих регионах, нередко не могли понять настроения населения в центре страны и даже мотивы действий друг друга. Но важнее всего было то, что экономически слабые окраины, где располагались белые режимы, сыграли решающую роль и в их поражении, не позволив белым успешно бороться с красным густонаселенным индустриальным центром страны.

Опыт антибольшевистской Северной области подчеркивает, что природные, экономические, социальные и политические условия российских окраин сыграли важную роль в судьбе Белого движения. Поэтому, хотя обстановка на Севере России значительно отличалась от положения других белых режимов¹⁷, этот пример может показать, как взаимодействие местных обстоятельств и общего политического кризиса решающим образом повлияло на ход и исход российской Гражданской войны.

¹⁷ О значительном своеобразии революции в регионах и проблематичности попыток выделить одну «типичную» провинцию даже в центральной России см., например: *Raleigh D. Experiencing Russia's Civil War*. P. 4; *Badcock S. Politics and the People in Revolutionary Russia*. P. 2–3.

Краткий обзор источников

История антибольшевистской Северной области сравнительно хорошо документирована. Материалы деятельности Северного правительства, белого командования, органов местного самоуправления, региональных общественных организаций, политических партий и профсоюзов, а также резолюции крестьянских сходов, рабочих собраний и воинских частей опубликованы в газетах того времени и последующих сборниках документов и материалов. Политическая и военная история Северной области широко описана в мемуарах. Многочисленные неопубликованные документальные свидетельства отложились в фондах Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Архангельской области, Отдела документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области (бывший Партийный архив Архангельской области), в хранилищах Государственного архива Мурманской области, Российского государственного военного архива и Российского государственного архива социально-политической истории. Следственные документы из Архива управления ФСБ по Архангельской области предоставляют уникальные личные данные участников антибольшевистского движения, проливая также свет на их судьбу после окончания Гражданской войны. Личные записки участников белой борьбы также имеются в архиве Гувеловского института (Hoover Institution Archives) в США и в фондах бывшего пражского Русского заграничного архива, в конце 1940-х гг. перевезенного в Москву и хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации. Тем временем опубликованные донесения дипломатов и офицеров стран Антанты в Северной области, так же как и личные воспоминания рядовых участников интервенции, в частности из архивной коллекции исторической библиотеки Бенгли Университета Мичигана, освещают роль интервенции в Гражданской войне на Севере и отношение к ней со стороны белых политических элит и населения.

В книге также использованы некоторые архивные и опубликованные материалы, исходящие от красного командования, большевистского партийного и советского руководства, чтобы объяснить условия появления на Севере Белого движения, влияние большевиков и Красной армии на развитие событий в Северной области, а также последующую интеграцию Архангельской губернии в Советское государство.

Структура работы

Эта книга рассматривает антибольшевистское движение в контексте региональной истории Архангельской губернии, начиная с первых лет XX века и до попыток большевиков интегрировать регион в единое Советское государство в начале 1920-х гг. Она исследует Гражданскую войну и с высоты кабинетной политики белого правительства и штабов, и на низовом уровне, пытаясь проследить, как жила белая провинция в годы Гражданской войны и почему простое население принимало участие в войне на стороне белых. Первые две главы хронологически излагают историю Архангельского Севера с начала XX века до образования антибольшевистского правительства в середине 1918 г. В частности, они анализируют экономику, социальную структуру и администрацию Архангельской губернии, значение регионалистского движения среди местной интеллигенции и роль политических партий, зарождение революционного движения, а также влияние Первой мировой войны, которые обусловили особое развитие революции на Севере. В главах ставятся вопросы, каковы были особенности Архангельской губернии, в чем заключались отличия местной революции и почему летом 1918 г. власть большевиков на Севере была настолько слаба, что их противники смогли легко взять управление в свои руки.

В главах с третьей по шестую хронологическое изложение сменяется систематическим анализом. Эти главы шаг за шагом исследуют конфликты и альянсы внутри белого руководства, роль союзной интервенции, политику правительства Северной области и отношение населения к Белому движению и Гражданской войне с момента образования Архангельского антибольшевистского правительства в августе 1918 г. до его падения в феврале 1920 г. Третья глава рассматривает конфликты и взаимодействие внутри антибольшевистской военной и политической элиты, в частности взаимоотношения между социалистами и либеральными и правыми политиками, правительством и военной властью, белым руководством и региональной ответственностью. Четвертая глава посвящена интервенции Антанты на Севере России и отношению к ней со стороны белого руководства и населения. Пятая глава анализирует основные направления политики Северного правительства, подчеркивая общие черты между революцией и «контрреволюцией» и прослеживая истоки белой политики в позднеимперской и революционной России. Шестая глава рассматривает «народную» войну, а именно состояние власти на местах и роль локальных интересов и конфликтов в Гражданской войне. Также в ней исследованы попытки белой власти мобилизовать население на войну с большевиками, масштабы и мотивы участия простого населения губернии в белой борьбе.

В последней главе работы хронологическое изложение возобновляется. В ней представлена история последнего периода существования Северной области, последовавшего за военными неудачами лета 1919 г. Также глава рассматривает, как большевистская администрация Архангельской губернии попыталась интегрировать Северную область в единое Советское государство в начале 1920-х гг.

* * *

Все даты до февраля 1918 г. указаны по старому стилю, который в XX веке на тринадцать дней отставал от введенного советским правительством нового григорианского календаря, использовавшегося также правительством Северной области. Библиографическое описание изданий, выпущенных в соответствии со старой орфографией, приведено по пореволюционным правилам правописания. Иностранные имена транслитерированы в соответствии с их фонетическим звучанием, за исключением тех случаев, когда другое написание устойчиво

вошло в источники и историографию. В частности, британский командующий союзными войсками на Севере генерал Frederick Poole транслитерирован как Фредерик Пуль, а не Фредерик Пул. Цитаты из источников на иностранных языках даны в переводе автора.

Слова признательности

Появлению этой книги содействовали многие люди и организации. Тема Гражданской войны вошла в мою жизнь в полусознательном трех-четырёхлетнем возрасте, когда я вместе с дедом бойко распевала советские песни о «красном командире» Щорсе, который с перевязанной головой шел во главе отряда, или о молодом красноармейце, который погиб в разведке, наткнувшись на заре на «белогвардейские цепи». Дед не ставил под вопрос необходимость революции или победы красных в Гражданской войне. Но его воспоминания и рассказы о человеческих последствиях этой победы, значительно расхоdivшиеся с официальными советскими нарративами, сделали меня историком и поставили человека в центр моего интереса к прошлому.

Тем не менее мое представление о Гражданской войне долгие годы оставалось не критичным. Окончательный перелом наступил на рубеже 1980-х и 1990-х гг., когда советская пресса неожиданно превратилась в источник сведений о другой, «белой» России, скрытой до этого под ярлыком «контрреволюции». Позже интерес к Гражданской войне привел меня в аспирантуру Московского государственного университета с диссертационной темой о Гражданской войне и интервенции на Севере России. Собранные мной материалы, возможно, никогда не превратились бы в текст, если бы не случайная архивная встреча с моим будущим мужем и коллегой-историком Мартином Байссвенгером (Beisswenger). Его понимание, поддержка и готовность слушать мои рассуждения о Гражданской войне и читать рукописные главы заставили меня засесть за писание. Искренняя помощь и советы со стороны его научного руководителя Гэри Хэмбурга (Hamburg), ставшего для нас обоих лучшим примером историка и учителя, подтолкнули меня к тому, чтобы после защиты диссертации не оставить занятия историей. Поддержка Анны Валентиновны Павловской сделала преподавание истории моей профессией, а дружеская атмосфера на кафедре региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ облегчила переход от ученичества к учительству. В разное время Лариса Георгиевна Захарова, Томас Кселман (Kselman) и Николаус Катцер (Katzer) своим содействием сделали для меня больше, чем они могли бы предположить.

Мне не удалось бы завершить архивные исследования для этой книги без щедрой финансовой поддержки со стороны Фонда Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung) и Американского совета научных сообществ (American Council of Learned Societies). Помощь сотрудников Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Архангельской области, Отдела документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области (бывший Партийный архив Архангельской области), Государственного архива Мурманской области, Архива регионального управления ФСБ по Архангельской области, Архангельского областного краеведческого музея, Государственной публичной исторической библиотеки, Российской государственной библиотеки, отдела «Русский Север» Архангельской областной научной библиотеки и библиотеки Университета Нотр-Дам (США) (University of Notre Dame) значительно облегчила мне поиск материалов.

Мартин Байссвенгер, Гэри Хэмбург, Эрон Ретиш (Retish), Джеффри Суэйн (Swain), Джошуа Сэнборн (Sanborn) и Татьяна Трошина, прочитавшие главы рукописи, своими советами и комментариями оказали мне неоценимую помощь при работе над книгой. На мои взгляды на историю Гражданской войны и Белого движения повлияли исследования, пожелания и критические замечания Ю.А. Щетинова, В.И. Голдина и А.А. Киселева. Ю.В. Дойков поделился со мною своими краеведческими знаниями. Наконец, личный пример, советы и дружба Дорис Берген (Bergen), Карстена Брюггеманна (Brüggemann), Сары Бэдкок (Badcock), Теймура Джа-

лилова, Лоры Крэго (Crago), Екатерины Правиловой, Джонатана Смила (Smele), Татьяны Тетевлевой и Игоря Христофорова служили мне поддержкой при работе над книгой.

Большое спасибо также моим родителям, которые, несмотря на здоровый скепсис в отношении многих моих начинаний, неизменно поддерживали меня все эти годы. Но особенно горячую благодарность заслужили маленькие Федя и Маруся, которые сразу после своего рождения стали частью моей архивной «команды», сопровождавшей меня вместе с их бабушкой в заполярных и приполярных научных поездках. Они с большим терпением относились к тому, что мама должна была отрываться от игры с ними, чтобы дописать эту книгу.

Глава 1

АРХАНГЕЛЬСКИЙ СЕВЕР В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

«Архангельская губерния... покрытая сплошными непроходимыми болотами, бездорожная и связанная с остальной частью России только одной судоходной рекой Северной Двиной да узкоколейной Московско-Архангельской железной дорогой, не является ни для кого местом желательного жительства... Ни для кого не интересный край, пугающий всех своей дикостью и суровостью»¹⁸ – так в отчете Министерству внутренних дел описывал место своего нового назначения полковник Е. Фагоринский, возглавивший Архангельское губернское жандармское управление летом 1915 г. Судьба оказалась благосклонна к жандармскому полковнику. Уже спустя год он покинул место своей вынужденной «ссылки», в отличие от многих других архангельских чиновников, продолжавших служить до долгожданной, но нескорой отставки.

Отношение Фагоринского к Архангельскому Северу было характерно для значительной части образованной России. Разделяли его и многие из тех офицеров, что три года спустя оказались на Севере в рядах формирующихся белых частей, и некоторые из тех представителей российской общественности, которые заполнили ступени местной административной лестницы и вошли в состав антибольшевистского правительства Северной области. В годы Гражданской войны они столкнулись с трудностями управления и ведения войны в огромной и экономически слабо развитой губернии. Они должны были выработать политику, способную обеспечить им поддержку населения и учитывающую особенности Русского Севера. Новым властям предстояло наладить взаимодействие с региональной элитой и простыми жителями, имевшими свое представление о войне и политике и стремившимися к удовлетворению собственных локальных нужд.

История Белого движения в Архангельской губернии была неразрывно связана с природными, социальными и политическими особенностями Русского Севера. Поэтому география, экономика, социальный состав и занятия населения, масштабы рабочего и крестьянского движения, численность и роль различных политических течений, а также представления о Севере центральной и региональной элит в годы, предшествовавшие революции и Гражданской войне, заслуживают детального изучения. Не меньшего внимания требует и Первая мировая война, сыгравшая ключевую роль в создании местного сценария революции и Гражданской войны. Этим темам и посвящена данная глава.

* * *

1100 верст, отмеченных казенными полосатыми столбами, отделяли Архангельск от столичного Санкт-Петербурга¹⁹. Этот путь в начале XX века занимал трое суток по недавно достроенной Архангельской железной дороге²⁰. Пассажиры должны были пересаживаться в другие вагоны в Вологде, так как далее была проложена только узкая колея. Железнодорожная ветка не доходила до Архангельска и заканчивалась как раз напротив города на левом берегу многоводной Северной Двины, недалеко от ее впадения в Белое море. Последний отрезок пути

¹⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 4. Л. 2 (доклад начальника Архангельского губернского жандармского управления (далее – АГЖУ) Е. Фагоринского товарищу министра внутренних дел С.П. Белецкому, 30 октября 1915 г.).

¹⁹ Одна верста равнялась 1,0668 км.

²⁰ *Шабунин Н.А.* Северный край и его жизнь. Путевые заметки и впечатления по северной части Архангельской губернии. СПб., 1908. С. 2. Узкоколейная железнодорожная линия Архангельск – Вологда, строившаяся в течение трех лет, была открыта в ноябре 1897 г.

путешественнику предстояло проделать на пароходе по воде или на санях по льду реки. В период ледохода и ледостава сообщение с городом временно прерывалось.

С железнодорожной станции можно было видеть панораму Архангельска, растянувшегося многоверстной полосой на правом берегу Двины. На фоне бесчисленных одноэтажных деревянных построек выделялись макушки церквей и монастырей и бело-желтые каменные здания казенных учреждений²¹. В сентябре каждого года Архангельск едва можно было разглядеть за сотнями пришвартованных у набережной парусных поморских судов, привозивших летний улов рыбы на Маргаритинскую ярмарку, где груды соленой трески продавались или обменивались на хлеб и хозяйственный инвентарь²².

Параллельно архангельской набережной шли четыре проспекта, пересекавшие центр города. На главном из них, Троицком, располагался огромный Троицкий собор. Недалеко от него находились дом губернатора и здание присутственных мест. За ними начиналась Немецкая слобода, самая чистая и благоустроенная часть города, где жили в большинстве своем принявшие русское подданство иностранные торговцы, предприниматели и конторщики. За слободой располагалась часть города под названием Кузнечиха с покосившимися деревянными домами и улицами, покрытыми грязью, а далее, за речкой Кузнечихой – еще одна часть города – Соломбала. Эти районы населяли моряки, портовые рабочие, солдаты и работники располагавшихся здесь лесопилок²³. Дальше, на некотором расстоянии от города находился пригород Маймакса с несколькими лесопильными заводами. Туда на сезонную работу нанимались крестьяне, приезжавшие из архангельских сел и окрестных губерний²⁴.

Архангельск являлся самым большим городом губернии, в нем проживало две трети всего губернского городского населения. Численность его жителей возросла с 20 тыс. в 1897 г. до 43 тыс. накануне Первой мировой войны²⁵. Архангельск оставался и единственным культурным центром в губернии. Здесь располагались духовная семинария и епархиальное женское училище, классическая мужская Ломоносовская и женская гимназии, мореходная школа. Имелись публичная библиотека и народные читальни в некоторых районах города, театр и цирк, а перед войной открылось несколько кинотеатров. Архангелогородцам также были знакомы некоторые технические блага цивилизации. Центральные улицы освещали электрические фонари, в городе действовали водопровод и телефонная сеть на тысячу номеров, а с июня 1916 г. по центру Архангельска был пущен трамвай²⁶.

За городской чертой признаки цивилизации исчезали и начинались бескрайние болотистые и лесистые пространства Архангельской губернии. Это была самая обширная губерния европейской части России, растянувшаяся вдоль побережья Северного Ледовитого океана от финской границы на западе до уральских предгорий на востоке²⁷. На этой территории в 754 тыс. квадратных верст, равной по площади Франции и Британским островам вместе взя-

²¹ Максимов С.В. Год на Севере. 4-е изд. М., 1890. С. 36–37.

²² Краткий очерк Архангельской Маргаритинской ярмарки в 1911 г. Архангельск, 1912. Треска составляла более половины всей привозимой в Архангельск рыбы, из остальных видов рыб преобладали сельдь, сайда, пикшуй. См.: Там же. С. 12–13, 18–19.

²³ Верецагин В. Очерки Архангельской губернии. СПб., 1849. С. 399–408.

²⁴ Численность лесопильных заводов Архангельска возросла с 18 в 1903 г. до 26 в 1914 г.: Трофимов П.М. Очерки экономического развития Европейского Севера России. М., 1961. С. 127, 231.

²⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Ред. Н.А. Тройницкий. СПб., 1904. Ч. 1: Архангельская губерния. Тетр. 3. С. 2; Архангельская городская жилищная перепись 1918 года с приложением некоторых итогов жилищной переписи 1920 года. Архангельск, 1922. С. 2; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917–1924 годы. Архангельск, 1925. С. 5.

²⁶ Попов Г.В. Старый Архангельск. Архангельск, 2003; Летопись города Архангельска, 1584–1989. Архангельск, 1990.

²⁷ Границы Архангельской губернии в начале XX в. отличались от современных и включали помимо нынешней Архангельской области, а также территорию Ненецкого автономного округа, Мурманской области, части Республик Карелии и Коми.

тым, накануне революции 1917 г. проживало всего около 500 тыс. человек²⁸. По плотности населения (0,7 человека на квадратную версту) она во много раз уступала любой губернии Европейской России и была сравнима с территорией Восточной Сибири²⁹.

Население губернии на 9/10 являлось сельским и на 85 % русским. Из остальных национальностей наиболее многочисленными были зыряне (коми) – около 7 % населения, карелы – 6 %, самоеды (ненцы) – 1 % и лопари – 0,5 %³⁰. Среди этих народов в начале XX века не имелось влиятельных национальных движений. Также в губернии не существовало и заметных религиозных конфликтов, если не считать проживавших здесь нескольких тысяч староверов, на протяжении веков преследовавшихся властями³¹. Все проживавшие в губернии инородцы давно были обращены в православие, и некоторые из них, в частности зыряне, в значительной части обрусели. Самоеды и лопари вели преимущественно кочевой образ жизни в обширных Мезенской и Печорской тундрах, а также на Кольском полуострове и на рубеже веков представляли собой скорее объект научного интереса и попечительской заботы со стороны властей и интеллигенции, чем вызов единству империи³². И лишь в Карелии, не без содействия Финляндии, в начале века стали появляться национально-культурные общества³³. В годы Гражданской войны именно карельское национальное движение при поддержке интервенции финских отрядов стало заметным политическим фактором в войне и бросило вызов контролю как белой, так и красной власти над карельскими районами Севера.

На рубеже XX века Архангельская губерния, несмотря на обширность края и обилие земель, лесов, водных богатств и минеральных ресурсов, в хозяйственном отношении отставала от быстро развивавшегося промышленного центра страны. Веками приспособившись к ритмам суровой северной природы, с длинными холодными зимами и кратким нежарким летом, экономика Севера отличалась традиционализмом. Здесь не было ни развитого сельского хозяйства, ни значительной промышленности, а основу экономики составляли лесные и рыбные промыслы и морская торговля³⁴. Земли на Севере были большей частью удельными или казенными, поэтому губерния никогда не знала ни помещиков, ни крепостного права, распространяемого в центральных районах страны. Также крестьяне губернии в большинстве своем, не страдали от малоземелья. Север, напротив, выделялся обилием земель и сравнительно легкими условиями получения участков казенных лесов под пашенные расчистки³⁵. Однако из-за

²⁸ Обзор Архангельской губернии за 1901 г. Архангельск, 1902. С. 1; *Жилинский А.А.* Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния. Пг., 1919; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917–1924 годы. С. XXV. Население губернии возросло с 346,5 тыс. в 1897 г. до 508 тыс. в 1917 г. Ср.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Ч. 1. Тетр. 2. С. 2.

²⁹ Средняя плотность населения в европейской части России в 1913 г. составляла 30,3 чел. на кв. версту, в Сибири – 0,8 чел. См.: Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 18–22.

³⁰ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Ч. 1. Тетр. 2. С. viii.

³¹ В 1897 г. из 346,5 тыс. жителей Архангельской губернии 337,3 тыс. исповедовали православие, кроме того, имелось 6,2 тыс. «старообрядцев и уклоняющихся от православия», около 1,7 тыс. лютеран и более 500 католиков. См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 6: Наличное население обоого пола по уездам и городам, с указанием преобладающих вероисповеданий и главнейших сословий. СПб., 1905. С. 1.

³² См., например: *Тайфильев Г.И.* По тундрам Тиманских самоедов летом 1892 г. // Известия императорского Русского географического общества. 1894. Т. XXX. Вып. 1. С. 23–41. Об отношении российских властей и общественности к кочевым народам Севера см.: *Slezkine Y.* Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca, 1994. В частности, глава 4 (перевод: *Слезкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008).

³³ См.: *Витухновская М.А.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб., 2006; *Дубровская Е.Ю.* Противоборство панфиннизма и русского великодержавия в Карелии (по материалам источников конца XIX – начала XX века) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1991. С. 55–64; *Она же.* Из истории национально-демократического движения в Карелии в начале XX века // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 68–85.

³⁴ История северного крестьянства / Ред. Ю.А. Поляков. Архангельск, 1985. Т. 2: Крестьянство Европейского Севера в период капитализма. Главы 2 и 6.

³⁵ Государственные крестьяне губернии имели право расчищать под пашню участки казенных лесов и болот и бесплатно пользоваться расчистками в течение 40 лет. См.: Приложение к всеподданнейшему отчету Архангельского губернатора о

сурового климата и примитивных способов обработки земли (большинство хозяйств по-прежнему использовало деревянную соху) сельское хозяйство было невыгодно, посевные площади расширялись медленно. Крестьянская пашня занимала всего 80 тыс. дес., или чуть более 0,1 % от общей площади губернии³⁶. Еще 180 тыс. дес. занимали луга. Оставшиеся пригодные для использования земли (около трети общей площади губернии) покрывали удельные и казенные леса. Из девяти уездов губернии земледелие служило основой хозяйства только в двух южных уездах – Шенкурском и Холмогорском, а также в южной части Пинежского и Онежского уездов, в остальных же сельское хозяйство было лишь подспорьем к промыслам³⁷. Северные крестьяне высевали преимущественно ячмень, рожь и овес, также в огородах сажали картофель. Пшеница в северных широтах не родилась. Из-за частых ранних заморозков в губернии регулярно случались неурожаи, и до 4/5 потребляемого хлеба, как правило, ввозилось из других губерний³⁸.

Крестьянские промыслы на рубеже веков не только приносили подсобный заработок, но и служили основным источником дохода для растущей доли хозяйств. Среди промыслов первое место принадлежало рыболовству и морскому звериному промыслу, наиболее развитому в Кольском, Кемском, Печорском и Мезенском уездах³⁹. На морской звериный лов ежегодно на побережье съезжалось от 2000 до 4500 промышленников, добывавших до 50 тыс. моржей, белуг и тюленей. Также для морского рыбного промысла на Мурман каждой весной прибывало до 3000 рыбопромышленников из Архангельского, Онежского и Кемского уездов⁴⁰. Кроме морских промыслов, во всех уездах крестьяне также занимались ловлей рыбы в многочисленных реках и озерах, покрывавших губернию. Вторыми по важности были лесные промыслы, особенно распространенные в Архангельском, Кемском и Онежском уездах⁴¹. Крестьянские артели подражались на сезонной основе на рубку и сплав леса, а также на распилку древесины на лесозаводах губернии. Из других кустарных промыслов выделялось замшевое производство, преимущественно развитое в Печорском уезде, где было распространено оленеводство. На рубеже веков 64 семейных замшевых завода вырабатывали продукции на 127 тыс. руб. в год⁴². Также в начале XX века выросло отходничество крестьян, нанимавшихся на работу в столичные города или работавших на лесных промыслах в Олонецкой губернии⁴³.

Быстрая индустриализация, охватившая на рубеже веков центральные регионы страны, почти не затронула Архангельскую губернию. Промышленность здесь продолжала оставаться преимущественно кустарной. Более крупное производство представляли собой лесозаводы.

состоянии Архангельской губернии за 1894 год. Архангельск, 1895. С. 5–6; Обзор Архангельской губернии за 1901 г. С. 5–6. Проблема малоземелья до 1917 г. существовала преимущественно в сельскохозяйственном Шенкурском уезде, где крестьяне страдали от «неудобий», т. е. обилия малопригодных для обработки участков, находившихся в пользовании крестьянских хозяйств.

³⁶ Одна десятина равна 1,09 га.

³⁷ Приложение к всеподданнейшему отчету Архангельского губернатора о состоянии Архангельской губернии за 1894 год. С. 1; История северного крестьянства. Т. 2. С. С. 84–85, 90, 193–197, 217. В начале XX в. архангельские крестьяне получали более 60 % своих доходов от неземледельческих занятий.

³⁸ Обзор Архангельской губернии за 1901 г. С. 4; История северного крестьянства. Т. 2. С. 202–203. Треть площади Архангельской губернии находилась за чертой Северного полярного круга, среднегодовая температура в губернии составляла +0,7°C. См.: Приложение к всеподданнейшему отчету Архангельского губернатора о состоянии Архангельской губернии за 1894 год. С. 2.

³⁹ Рыболовством и охотой в Архангельской губернии занималось в 1913 г. 46,7 тыс. человек. См.: История северного крестьянства. Т. 2. С. 218.

⁴⁰ *Боговой И.* Морской зверобойный промысел на Севере. Архангельск, 1923. С. 42–46; *Энгельгардт А.П.* Русский Север: путевые записки. СПб., 1897. С. 99.

⁴¹ Лесными промыслами в 1913 г. занималось 21,3 тыс. жителей губернии. См.: История северного крестьянства. Т. 2. С. 218.

⁴² *Энгельгардт А.П.* Русский Север. С. 250.

⁴³ Число отходников из губернии выросло с 34,8 тыс. человек в 1901 г. до 55,3 тыс. в 1913 г.: Обзор Архангельской губернии за 1901 г. С. 35–36; История северного крестьянства. Т. 2. С. 217–218.

К 1913 г. их численность возросла до 44, а численность рабочих на одном предприятии в среднем выросла до 450 человек. Они составляли преобладающее большинство из 25 тыс. наемных рабочих, трудившихся на промышленных предприятиях губернии⁴⁴. Несмотря на растущую концентрацию рабочей силы, постоянных рабочих в губернии было немного. Большинство рабочих мест заполняли сезонно местные крестьяне, продолжавшие вести свое хозяйство в деревне. Даже на тех немногочисленных предприятиях, где имелись квалифицированные рабочие, в частности в архангельских механических мастерских, господствовали патриархальные отношения. Работники нередко обращались к предпринимателям с просьбами об авансах на крестины, на свадьбу, об отпуске бревенчатого леса для построек, и, по свидетельству современника, «рабочий, прослуживший много лет у хозяина, обзаводился домом, коровой, огородом, целым маленьким хозяйством, дававшим немалую прибыль, как добавочный заработок»⁴⁵. Хотя в начале века архангельские рабочие начали постепенно усваивать городскую фабрично-заводскую культуру (они переоблачались в городское платье, а рабочая молодежь стала устраивать воскресные гулянья с гармоникой), постоянные рабочие перед мировой войной по-прежнему составляли меньшинство, значительно уступая массе сезонных отходников.

Продукты лесопильного производства служили основным предметом северной морской торговли. В начале XX века она только начала выходить из затяжного кризиса, начавшегося еще в XVIII веке, когда основные торговые пути Севера России сместились в балтийские порты. Теперь развитие лесопильной промышленности и растущая потребность в лесе в европейских странах дали новый толчок внешней торговле. Однако львиную долю экспорта составлял дешевый непиленный лес. Также из-за примитивных способов сплава и хранения бревен значительная часть товара еще по пути к порту портилась и теряла большую часть стоимости⁴⁶. Таким образом, несмотря на наблюдавшийся в России в начале XX века рост промышленности и торговли, хозяйство губернии еще сохраняло традиционную структуру и патриархальность.

Система местного управления Архангельской губернии на рубеже веков также оставалась примитивной. В отличие от центральных регионов России, Север не затронули земские реформы 60-х гг. XIX века, и вплоть до 1917 г. здесь отсутствовали органы земского самоуправления. Все нити управления губернией по-прежнему сходились к архангельскому губернатору, который обладал почти неограниченными полномочиями и правил в регионе как царский наместник⁴⁷. Известная российская неразвитость местной администрации приобрела на Севере такие масштабы, что власть даже не знала точного числа населенных пунктов губернии. И одним из «сюрпризов» первой подробной переписи населения 1897 г. было внезапное «открытие» целого ряда деревень, жители которых десятилетиями обитали на казенных землях – вели хозяйство, активно торговали, но при этом не платили никаких налогов и вообще официально не существовали⁴⁸. Даже административные усилия наиболее энергичных архангельских губернаторов, таких как А.П. Энгельгардт и И.В. Сосновский, изъездивших и исходивших пешком значительную часть губернии, наткнулись на непреодолимые препятствия в виде огромной подведомственной территории и отсутствия путей и средств сообщения⁴⁹.

⁴⁴ Трофимов П.М. Очерки экономического развития Европейского Севера. С. 127, 231. Помимо лесозаготовок, значительное число рабочих трудилось на железной дороге и пароходном транспорте.

⁴⁵ Петров А.К. Первые с.-д. рабочие кружки в Архангельске (Из воспоминаний рабочего) // Пролетарская революция. 1923. № 10 (22). С. 42.

⁴⁶ Дефекты беломорского лесного промысла // Архангельск. 1909. 29 янв.; Никулина Т.В. Лесозэкспорт на Севере России в годы империалистической войны // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1987. С. 122–123.

⁴⁷ О полномочиях губернаторов см.: Robbins R. The Tsar's Viceroy: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca, 1987.

⁴⁸ Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 14. С. 6–7.

⁴⁹ О губернаторстве Энгельгардта и Сосновского и их путешествиях по Северу см.: Энгельгардт А.П. Русский Север; Наш Север. Из Архангельска // Архангельск. 1909. 25 янв.; Попов Г. Губернаторы Русского Севера. Архангельск, 2001. С. 241–458.

В губернии, помимо Архангельска, имелось еще семь городов. Самым крупным из них была Онега с 2,5 тыс. жителей, самым небольшим – Кола, где на рубеже веков проживало всего около 600 человек. В уездных городах были сосредоточены местные правительственные учреждения: полицейское управление, казначейство, почтовое отделение. Там же находились чиновник по крестьянским делам, мировой судья, часто он же – судебный следователь, и акцизный надзиратель. В конце XIX века появились уездный врач и больница, а также телеграфная станция. Внешне города мало отличались от окружающих их деревень. Улицы, как правило, были немощеными, дома – деревянными, и лишь каменное здание казенного казначейства выдавало в них уездный центр. Даже многие церкви, освященные часто по поморскому обычаю в честь Святителя Николы, покровителя мореходов и рыбаков, были деревянными⁵⁰.

Важнейшими транспортными артериями губернии служили Архангельская железная дорога, а летом также реки, наиболее крупными из них являлись Северная Двина, Онега, Пинега, Мезень и Печора. Также на рубеже веков почти во все уездные города были проложены почтовые тракты. Однако и после этого сообщение продолжало оставаться крайне медленным. Например, почта из Архангельска в Усть-Цильму, административный центр Печорского уезда, доходила летом и зимой в течение недели и существенно медленнее весной и осенью. С Колой, которая располагалась в излучине одноименного залива недалеко от мурманского побережья, регулярное сообщение поддерживали суда товарищества Архангельско-Мурманского пароходства, ходившие с мая по сентябрь. Зимой почта и грузы доставлялись от случая к случаю на оленьих упряжках по многомильному санному пути. В период осенней и весенней распутицы, продолжавшейся четыре месяца в году, всякая связь между Архангельском и Колой прерывалась. Путешествие же в деревни, разбросанные по бескрайней территории губернии, даже в наиболее благоприятное время года могло занимать недели или даже месяцы. Например, архангельскому чиновнику, пожелавшему летом посетить отдаленные волостные правления в Кемском уезде, покрытом сплошь озерами и болотами, пришлось бы проделать 113 верст пешком, 169 верст верхом и 838 верст в лодке – всего примерно 1120 верст⁵¹.

Обширность территории и неразвитость путей сообщения препятствовали эффективному управлению губернией. Эта задача многократно усложнилась, когда Первая мировая война привела к экономическому упадку, массовым перемещениям населения и кризису транспортного сообщения, и стала почти непосильной после того, как имперская администрация была сметена в результате Февральской революции 1917 г. Не имея возможности не только контролировать обстановку, но и просто быстро добраться до многих отдаленных уголков губернии, любые претенденты на власть в Архангельской губернии после февраля 1917 г. в огромной степени зависели от неустойчивой поддержки региональных элит и массы местного населения.

⁵⁰ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Ч. 1. Тетр. 2. С. 2; *Энгельгардт А.П.* Русский Север. С. 217; *Максимов С.В.* Год на Севере. С. 3–4, 12, 62, 67; *Шабунин Н.А.* Северный край и его жизнь. С. 4.

⁵¹ *Энгельгардт А.П.* Русский Север. С. 17, 35, 211, 258.

Русский Север и российская общественность

Огромные расстояния и неизведанные природные ресурсы Архангельской губернии поражали воображение российской образованной элиты, вызывая смешанное чувство ужаса и восхищения. Подобно Сибири, представлявшейся современникам и землей обетованной с «молочными реками и кисельными берегами», и прибежищем преступников и дикости⁵², Север уже в XIX веке служил основой для бытования противоречивых мифов. Неонароднические и славянофильские авторы видели на Севере очаг истинной русской культуры. Северные крестьяне, не «испорченные» монголо-татарским засильем, не испытывавшие на себе плети крепостного права и сохранившие некоторые старинные традиции быта, казались им воплощением «типичнейших и чистейших великороссов»⁵³. Путешественники с умилением описывали патриархальность северного быта, традиционную одежду, в которой виделись очертания древних новгородских нарядов, и сохранившиеся здесь древние песни и сказания⁵⁴. Именно на Архангельском Севере фольклористы в начале XX века собирали старинные русские былины, а художники искали уголки девственной природы и типы из русского простонародья, пытаясь запечатлеть признаки «первобытного духа русской жизни»⁵⁵. Даже либеральные мыслители находили в северной истории черты исконного российского общественного и государственного уклада. В частности, Б.Н. Чичерин именно на примере черносошного Севера подчеркивал позднее происхождение крестьянской общины и связанного с ней эгалитаризма⁵⁶.

Таким образом, с одной стороны, в период, когда язык значительной части российской интеллигенции становился все более национальным, интерес к Архангельскому Северу подпитывала потребность познания «русскости» и изучения русского быта и фольклора в духе надежды этнографии⁵⁷. Противоположной реакцией на традиционализм Северного края было отчаяние чиновника Фагоринского перед дикостью северной природы и, конечно же, модернизаторские усилия «просвещенных бюрократов», интеллигенции и местной общественности, стремившихся преодолеть экономическую и культурную отсталость Севера. Политики и администраторы, от министра С.Ю. Витте до архангельских губернаторов, настаивали на быстрых шагах по экономическому развитию края, видя в этом залог успешной модернизации России в целом. Однако планы того, что именно нужно предпринять, уже со второй половины XIX века служили почвой для острых споров. Например, губернатор Н.А. Качалов видел будущее Севера в развитии прибрежной колонизации и поморской торговли. А правый публицист Н.Я. Данилевский, известный на Севере больше как руководитель экспедиции по исследованию рыболовства в Белом и Баренцевом морях, настаивал, так же как и Витте, на развитии внутренних

⁵² О Сибири см.: *Slezkine Y. Siberia as History // Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture / Eds. Y. Slezkine, G. Diment. New York, 1993. P. 1–6*; Сибирь в составе Российской империи / Ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М., 2007. С. 24–25. См. также: *Lincoln B. The Conquest of a Continent: Siberia and the Russians. London, 1994.*

⁵³ *Ильинский М.В.* Архангельская ссылка. Бытовые очерки из истории архангельской политической ссылки. СПб., 1906. С. 12.

⁵⁴ *Максимов С.В.* Год на Севере. С. 67, 597 и др.; *Верещагин В.* Очерки Архангельской губернии. С. 387. Образцы древних нарядов северных крестьянок см.: *Энгельгардт А.П.* Русский Север. С. 8–9.

⁵⁵ См.: Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа. М., 1904. Т. 1–3.; *Шабунин Н.А.* Северный край и его жизнь. С. 1–2.

⁵⁶ См.: *Чичерин Б.Н.* Обзор исторического развития сельской общины в России // Русский Вестник. 1856. Т. 1. С. 373–396; 579–602, в частности о Севере см.: С. 583, 589, 596–597. См. также: Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов. М., 1929. С. 262–263. Анализ этого исследования Чичерина см.: *Hamburg G.M.* Boris Chicherin and Early Russian Liberalism, 1828–1866. Stanford, 1992. P. 80–92.

⁵⁷ *Knight N.* Science, Empire and Nationality: Ethnography in the Russian Geographical Society, 1845–1855 // *Imperial Russia: New Histories for the Empire / Eds. J. Burbank, D. Ransel. Bloomington, 1998. P. 108–147* (перевод: *Найм Н.* Наука, империя и народность: Этнография в Русском географическом обществе, 1845–1855 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Ред. П. Верг и др. М., 2005. С. 155–198).

линий коммуникаций, чтобы теснее связать Север с внутрироссийским рынком⁵⁸. Даже либеральный историк А.А. Кизеветтер считал нужным высказаться о проблеме развития Русского Севера, показав в специальной брошюре, что Север необходимо подтянуть до уровня развития остальной России, так как он на протяжении веков представлял собой «главный двигательный рычаг торговой и вообще экономической жизни России» и во время кризисов являлся «крепкой опорой возрождения государственного порядка»⁵⁹.

В начале XX века преодоление экономической и политической отсталости края, прежде всего при содействии местной общественности, стало основным требованием появившегося регионального движения. Наиболее влиятельной региональной организацией было созданное в 1908 г. Архангельское общество изучения Русского Севера⁶⁰, которое уже к следующему году насчитывало 600 членов. На страницах издаваемого обществом журнала «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера», в прессе и среди общественности члены общества активно развивали идеи об особенностях Северного края, который отличался природными богатствами, трудолюбием населения, но страдал от «искусственных» стеснений, наложенных центральной властью. Они сравнивали статус Русского Севера с положением колонии России, которая интересовала центральную власть только как территория, пригодная для эксплуатации природных ресурсов, и «объект для [...] помещения избытков населения», в первую очередь уголовных и политических ссыльных⁶¹. В представлении региональной элиты это было тем более несправедливо, что Европейский Север, в отличие от завоеванных позже восточных и южных рубежей империи, являлся исконной русской территорией, будучи еще в XII–XIII веках заселен новгородцами. Региональная элита, часто не без содействия местных губернаторов, все более активно выступала за усиление инвестиций в экономику Севера и проведение административных реформ, настаивая, в частности, на введении земского самоуправления, что дало бы свободу местной «самодеятельности и предприимчивости»⁶².

Хотя Архангельское общество изучения Русского Севера и выступало в защиту интересов всех жителей Северного края, на деле оно было детищем местной элиты, и влияние его распространялось прежде всего на городские образованные слои. Инициаторами его создания были архангельские чиновники и учителя. В дальнейшем общество предпринимало усилия, чтобы привлечь к своей работе более широкие слои населения. Однако членство в нем оставалось ограничено почти исключительно представителями местной интеллигенции, торгово-промышленников и чиновничества. От половины до двух третей членов общества проживали в самом Архангельске⁶³. Программа общества, настаивавшего на широком участии местных сил в решении проблем края, также отражала в первую очередь интересы региональной элиты.

⁵⁸ *Nielsen J.P.* The Murman Coast and Russian Northern Policies ca. 1855–1917 // In the North My Nest is Made: Studies in the History of the Murman Colonization 1860–1840 / Eds. A. Yurchenko, J.P. Nielsen. St. Petersburg, 2005. P. 10–27. Исследование Данилевского о рыбных промыслах на Севере см.: [Данилевский Н.Я.] Рыбные и звериные промыслы на Белом и Ледовитом морях. Общие отчеты и предположения [Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. 6]. СПб., 1862.

⁵⁹ *Кизеветтер А.А.* Русский Север. Роль Северного края Европейской России в истории русского государства. Вологда, 1919. С. 50, 54.

⁶⁰ Об обществе см.: *Бартолев В.* Очерк деятельности Архангельского общества изучения Русского Севера с 1909 по 1918: Докл. на общ. собр. 19 авг. 1918 г. // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1918. № 8/9. С. 149–151; *Куратов А.А.* Архангельское общество изучения Русского Севера // Европейский Север России: прошлое, настоящее, будущее. Материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня учреждения Архангельского общества изучения Русского Севера (1908 г.). Архангельск, 1999. С. 191–203.

⁶¹ Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 14. С. 3–4.

⁶² См.: Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 23. С. 3–7; 1918. № 1/2. С. 20; № 8/9. С. 170. О содействии губернаторов общественным инициативам см.: *Robbins R.* The Tsar's Viceroys. P. 68–69.

⁶³ Архангельское общество изучения Русского Севера. Открытие Общества. Состав правления. Список членов. Архангельск, 1909; Отчет Архангельского общества изучения Русского Севера за 1912 год. Архангельск, 1913; Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1918. № 8/9. С. 149. См. также переписку и заявления о вступлении в члены общества: Государственный архив Архангельской области (далее – ГАО). Ф. 83. Оп. 1. Д. 1.

Имея перед глазами пример соседней Северной Европы, где представители торговли и свободных профессий занимали влиятельное положение в местном управлении, северные регионалисты также стремились утвердить значительность собственной роли в региональной политике.

Несмотря на остроту риторики, в целом программа северного регионального движения оставалась умеренной по сравнению, например, с сибирским областничеством и другими движениями, появившимися на рубеже веков на окраинах империи в ответ на быструю и неравномерную модернизацию страны и противоречивые политические реформы⁶⁴. На Севере главное внимание местных патриотов было приковано к необходимости преодолеть экономический застой. Этому должны были способствовать также административные и культурные преобразования. Но в отличие от сибирских областников, северные регионалисты никогда не выдвигали лозунгов не только самостоятельности, но даже автономии края. Критикуя власть за пренебрежение интересами Севера, они тем не менее не считали возможным осуществить экономическую модернизацию региона только местными силами и именно в центральной власти продолжали видеть источник экономической помощи и политических уступок⁶⁵.

Противоречивые устремления региональной элиты, которая, с одной стороны, настаивала на широком участии местных сил в управлении регионом, а с другой стороны, не видела возможности быстрой модернизации края без сильной центральной власти, повлияли на то, что местные лидеры в период революции и Гражданской войны вели двойственную политику. Они одновременно и поддерживали правительства, стремившиеся воссоздать устойчивую центральную власть, и отчасти противодействовали им, опасаясь чрезмерной централизации, которая могла бы ослабить влияние региональных представителей на местную политику.

⁶⁴ О сибирском областничестве см.: Сибирь в составе Российской империи. Глава 10; *Pereira N.* Regional Consciousness in Siberia before and after 1917 // *Canadian Slavonic Papers*. 1988. № 1. P. 113–133; *Idem.* The Idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia // *Russian History*. 1993. Vol. 20. № 1/4. P. 163–178; *Watrous S.* The Regionalist Conception of Siberia, 1860 to 1920 // *Between Heaven and Hell*. P. 113–132; *Stuch S.* Regionalismus in Sibirien im frühen 20. Jahrhundert // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2003. Band 51. Heft 4. S. 549–563; *Faust W.* Rußlands goldener Boden: Der sibirische Regionalismus in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Köln, 1980.

⁶⁵ О попытках Общества изучения Русского Севера добиться реформ, посылая обращения и ходатайства в петербургские министерства, см.: Отчет Архангельского общества изучения Русского Севера за 1909 год // *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*. 1910. № 24. Приложение. С. 3–7.

Политические партии в Архангельской губернии

Почти одновременно с появлением на Севере регионального движения здесь оформились местные комитеты всех основных политических партий. Среди них наибольшим авторитетом и влиянием пользовались представители либеральных течений. Тесно связанные с региональным движением, местные либералы выступали под двойным лозунгом широких демократических реформ в стране и усиления влияния местной общественности на управление краем. Самой разветвленной организацией в Архангельской губернии располагала конституционно-демократическая партия (кадеты). Уступая по численности столичным отделениям партии, местная ее организация тем не менее в годы первой русской революции насчитывала до 400 членов. Губернский кадетский комитет в Архангельске был создан одним из первых в стране еще в октябре 1905 г., позже появились также уездные комитеты в Онеге и Шенкурске. Так как земство в губернии отсутствовало, земцы не составляли основы архангельской организации кадетов, как это было во многих центральных губерниях. Зато помимо региональной интеллигенции, чиновников, приказчиков и учащихся среди членов партии имелись даже крестьяне. Так, в конце 1905 г. в ряды партии записалось 116 домохозяев Верхне-Мудьюжского сельского общества Онежского уезда⁶⁶. Кадетским печатным органом была первая в Архангельске неправительственная общественно-политическая газета «Северный листок», издававшаяся с конца 1905 г. После того как ее редактор И.В. Галецкий, избранный в I Думу от кадетов, примкнул к трудовикам, губернские кадеты основали в январе 1907 г. газету «Архангельск», которая долгое время являлась самой влиятельной неправительственной газетой в губернии. Вначале ее издавал местный присяжный поверенный Н.А. Старцев, а с 1909 г. издателем стал врач Н.В. Мефодиев. Они оба являлись членами Общества изучения Русского Севера и были избраны депутатами Государственной Думы от Архангельской губернии⁶⁷.

Газета «Архангельск», служившая рупором архангельской либеральной общественности, открыто или прозрачными намеками продвигала требования ввести парламентскую систему в России, защитить демократические свободы и либерализовать местное управление. Изменение политического климата в стране, в свою очередь, должно было способствовать экономическому и культурному развитию Севера. Едва ли кто мог не угадать российский подтекст в передовых статьях, например, о Германии, в которых газета горько сожалела о неспособности местных демократических партий завоевать «всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право для выборов» в местные ландтаги⁶⁸. Или когда газета клеймила несправедливость избирательной системы в Бельгии, где «против рабочего с одним голосом стоят мелкий и бедный буржуа с двумя голосами и средний и крупный образованный буржуа с четырьмя!»⁶⁹. Помимо требования ввести на выборах «четырёххвостку» (а именно: всеобщее, прямое, равное и тайное голосование) газета, уже применительно к российской действительности, доказывала необходимость реформировать Государственный совет. Он упорно тормозил все попытки законодательно улучшить положение в стране, в частности каждый раз блокируя законопроекты о распространении земского самоуправления на Архангельскую губернию⁷⁰. Также газета

⁶⁶ Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983. С. 63, 72, 175, 181, 297–309, 455; Emmons T. The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. Cambridge, Mass., 1983. P. 175, 455.

⁶⁷ Периодическая печать Архангельска и Архангельской области (1838–1968): Библиографический справочник. Архангельск, 1971. С. 6; Поморская энциклопедия / Ред. Н.П. Лавров. Архангельск, 2001. Т. 1: История Архангельского Севера / Ред. В.Н. Булатов. С. 43.

⁶⁸ Письма из Германии. Новый избирательный закон // Архангельск. 1909. 24 янв.

⁶⁹ Победа консерваторов в Бельгии // Архангельск. 1912. 3 июня.

⁷⁰ Государственная Дума и местное самоуправление // Архангельск. 1912. 6 июня; Отчет Леванидова о его работе в 4-й

отстаивала свободу слова и организаций, говоря о невозможности политических «гонений в конституционном государстве»⁷¹.

Широкое влияние кадетов на политическую жизнь губернии наиболее ярко проявилось в том, что, за исключением архангельских депутатов во II Государственной Думе (тогда два места поделили между собой трудовик и эсер), все остальные думцы, представлявшие губернию, были избраны как кадеты. Это означало, что кадетские представители регулярно одерживали победу даже у выборщиков крестьянской курии, составлявшей более половины собрания выборщиков в губернии. Несмотря на то что после первых двух выборных думских кампаний деятельность кадетов стала менее заметна, и в последующие годы на архангельских кадетских собраниях регулярно собиралось до 100 человек⁷².

Наряду с кадетами в Архангельске имела значительная группа октябристов. Отделение партии «Союз 17 октября» образовалось здесь в конце 1905 – начале 1906 г., и численность его доходила, по сведениям полиции, до 300 человек. За отсутствием земского элемента наиболее видными представителями партии были члены местного купечества и лесозаводчики. Среди них выделялись купцы и лесопромышленники Н.И. Шаравин, Е.И. Шергольд и В.В. Гувелякен, не раз избиравшийся на пост городского головы Архангельска⁷³. Октябристы занимали влиятельные позиции в Архангельской городской думе, а их лидеры, щедро жертвовавшие на нужды регионального движения, числились среди почетных пожизненных членов Общества изучения Русского Севера. По донесению жандармерии, будущие октябристы еще в период банкетной кампании 1905 г. принимали широкое участие в борьбе за политические реформы. В частности, они вместе с будущими кадетами участвовали в банкетах, «политических» ужинах и даже пытались в знак солидарности с рабочими петь (хотя, по донесению главы губернских жандармов, и не очень складно) рабочую «Марсельезу»⁷⁴. Тем не менее октябристы заметно уступали по степени влияния архангельским кадетам, и им ни разу так и не удалось провести своего кандидата в Государственную Думу.

Партии правее октябристов играли в губернии незначительную роль. По сведениям полиции, в губернии имелся отдел «Союза русского народа» на железнодорожной станции Исакогорка вблизи Архангельска. В 1907–1908 гг. в нем состояло около 40 членов во главе с вагонным мастером Д.Ф. Голубевым. Также в период выборов в I Думу имела местная организация – «Верные сыны России». На тех же выборах из 19 выборщиков от крестьянской курии 5 были заявлены как правые⁷⁵. Помимо этого, правые проявили себя тем, что в период первой русской революции участвовали в стычках с левыми демонстрантами из числа политических ссыльных и учащейся молодежи. В одном из таких столкновений 19 октября 1905 г. были убиты ссыль-

думе // Архангельск. 1914. 28 июня.

⁷¹ Печальная годовщина // Архангельск. 1912. 5 июня; Гонения на социалистическую печать // Архангельск. 1912. 7 июня.

⁷² На выборах в I Государственную Думу в Архангельской губернии победу одержали мелкий торговец из Шенкурска А.Е. Исупов и И.В. Галецкий, бывший ссыльный народоволец, частный поверенный и глава кадетской организации в Архангельске. В III Думу были избраны врач Н.В. Мефодиев и И.С. Томилов; в IV Думу – волостной старшина из Шенкурского уезда П.А. Леванидов и редактор Н.А. Старцев. Об Исупове и Галецком см.: ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 3. Д. 1321. Л. 32–33 об. (секретное донесение губернатора председателю Совета министров, 11 апреля 1906 г.). См. также: *Шелохаев В.В.* Кадеты – главная партия либеральной буржуазии. С. 181; *Emmons T.* The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. P. 179, 303. О численности кадетов см.: ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 3. Д. 1321. Л. 112–112 об. (письмо начальника АГЖУ губернатору, 24 августа 1906 г.).

⁷³ *Соколов Д.* Из истории революционного рабочего движения 1905–1908 годов в Архангельской губернии (Составлен по делам канцелярии Архангельского губернатора и фабричного инспектора) // 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. Очерки и воспоминания. Архангельск, 1925. С. 12.

⁷⁴ Революционное движение в России весной и летом 1905 года. Апрель – сентябрь. М., 1957. Ч. 1 / Ред. Н.С. Трусова. Док. 431.

⁷⁵ *Соколов Д.* Из истории революционного рабочего движения 1905–1908 годов в Архангельской губернии // 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. С. 13; *Спирин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России: начало XX в. – 1920 г. М., 1977. С. 167; *Rawson D.* Russian Rightists and the Revolution of 1905. Cambridge, 1995. P. 155; *Emmons T.* The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. P. 250.

ный приват-доцент М.Ю. Гольдштейн и учительница А.А. Покотило. Но это были единственные жертвы правого насилия. Архангельск избежал правых погромов и массовых беспорядков, прокатившихся по многим городам России⁷⁶. У газеты «Архангельск», таким образом, имелись основания отметить в 1912 г., что в целом регион был «благополучен от “черной” опасности». Правые в губернии действительно не смогли заручиться значительной поддержкой населения⁷⁷.

Основой организаций левых партий в Архангельской губернии служили находившиеся здесь политические ссыльные⁷⁸. Хотя исследовательская литература часто отмечает, что ссыльные социал-демократы и эсеры определяющим образом повлияли на появление на Европейском Севере левых политических кружков и массового рабочего и крестьянского движения⁷⁹, источники свидетельствуют, что положение ссыльных было скорее изолированным от народных масс. Их влияние ссыльных было ограничено почти исключительно представителями интеллигенции и учащимися города Архангельска. Несмотря на то, что из-за сокращения ссылки на Дальний Восток и в Сибирь в связи с русско-японским конфликтом 1904–1905 гг. численность ссыльных в Архангельской губернии резко возросла и уже к 1908 г. приблизилась к 2,5 тыс. человек⁸⁰, ссыльные проявляли мало интереса к окружающей их действительности. На Севере, где не имелось ни многочисленных рабочих, ни малоземельного помещичьего крестьянства, они ощущали себя оторванными от массовой аудитории. Их не привлекал традиционализм местного жизненного уклада и не интересовали региональные планы местной общест­венности. Как свидетельствуют полицейские донесения, выдержки из перлюстрированных полицией писем и мемуары самих сосланных на Север, колонии ссыльных, разбросанные по губернии, жили замкнуто и были поглощены внутренними партийными спорами, «фракционными расколами», личными склоками и распространенным повсеместно пьянством⁸¹.

В свою очередь, большинство обывателей губернии, судя по сохранившимся донесениям и жалобам, также относились к ссыльным с недоверием и антипатией. Например, крестьяне редко отличали политических ссыльных от уголовных. Они с неприязнью относились к праздному образу жизни ссыльных, получавших нередко весьма значительное пособие от казны, которое могло превышать даже годовое жалованье уездного урядника. Как позже с удовольствием вспоминал один ссыльный рабочий, приехав в ссылку, он «стал... жить “барин­ом” своего рода»⁸². Бывали случаи угроз ссыльным и даже избиения, в частности если они пытались

⁷⁶ Соколов Д. Из истории революционного рабочего движения 1905–1908 годов в Архангельской губернии // 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. С. 19–20. О правых погромах в других городах России см.: Ascher A. The Revolution of 1905. Russia in Disarray. Stanford, 1988. P. 253–262.

⁷⁷ Архангельск. 1912. 9 июня.

⁷⁸ О ссылке на Севере см.: В.Т. Цифры ссылки // 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. С. 73–77; Косухин С.Я., Малиновский В.В. Архангельская социал-демократическая ссылка конца XIX – начала XX вв. // Из истории политической ссылки на Европейский Север (XVIII – начало XX вв.). Вологда, 1978. С. 53–105; Супрун М.Н., Косухин С.Я. Политическая ссылка на Европейском Севере в конце XIX – начале XX вв.: Краткий биобиблиогр. словарь. Вологда, 1989. Вып. 1: 1895–1905 гг.

⁷⁹ См., например: Федотова Е.Д. Революционное движение в Архангельской губернии в годы первой русской революции. Архангельск, 1955. С. 23–24, 43; Очерки истории Архангельской организации КПСС. Архангельск, 1970. С. 13.

⁸⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 4. Д. 1165. Л. 44 об. (письмо губернатора И.В. Сосновского в Департамент полиции, сентябрь 1908 г.).

⁸¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1345. Л. 38 (донесение исправника Пинежского уезда губернатору, 3 апреля 1914 г.); ГАРФ. Ф. 102. Оп. 244. Д. 9. Ч. 4 Б. Л. 1 (письмо ссыльной М.И. Бурко из Пинеги, 7 января 1914 г.); Оп. 243. Д. 5. Ч. 4 Б. Л. 1–1 об. (письмо ссыльного Л. Винкова из Лешуконского, 23 января 1913 г.); Д. 9. Ч. 4 Б. Л. 38–38 об. (письмо А. Меньшикова из Пинеги, 3 августа 1913 г.); Ильинский М.В. Архангельская ссылка. С. 36, 71, 121, 187, 230–234, 270–271 и др.; В.Т. Онежская ссылка // 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. С. 116; *Он же*. Емецкая ссылка (Воспоминания) // 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. С. 109–110; С. Очерк по истории РСДРП в Архангельской губернии // 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. С. 123; Государственный архив Мурманской области (далее – ГАМО). Ф. П-102. Оп. 1. Д. 14. Л. 4–5 (воспоминания рабочего Г. Сироткина, 1922 г.).

⁸² Кузнецов В. (Северный). Ссылка в Мезени (Воспоминания) // 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. С. 97–98. В 1905 г. интеллигентный ссыльный с семьей в Шенкурском уезде получал 127 руб. в год, тогда как семейный полицейский служащий – только 124 руб., см.: В.Т. Наброски ссылки // 1905 год. Революционное движение в Архангельской

вести агитацию или выступали с «разъяснениями» по поводу русско-японской войны. А в селе Благовещенском Шенкурского уезда едва избежали расправы ссыльные грузинские социал-демократы, которых крестьяне ошибочно приняли за пленных японцев и на которых собирались выместить обиду за поражение русского оружия на Дальнем Востоке⁸³.

Губернатору, полицейским исправникам и чиновникам по крестьянским делам поступали многочисленные ходатайства от крестьянских обществ и собраний городских обывателей с просьбой переселить ссыльных из их волостей и уездов. Жители жаловались, что ссыльные устраивают грабежи и беспорядки, своими разговорами «смущают молодой класс населения» и что крестьяне боятся уходить на промыслы и оставлять свои семьи и имущество на произвол ссыльных поселенцев⁸⁴. Когда жалобы не помогали, сельские сходы самостоятельно принимали решения ссыльным квартир не давать, а в нескольких случаях сосланные на поселение были посажены крестьянами на пароход или на телеги и насильственно отправлены обратно в Архангельск⁸⁵. Учитывая настроенное отношение к ссыльным со стороны населения и отсутствие у самих ссыльных интереса к не имеющей промышленного пролетариата и безземельного крестьянства Архангельской губернии, не удивительно, что их политическая роль в губернии была незначительна. Несмотря на присутствие многих ссыльных, организованные ими комитеты левых политических партий не имели широкого влияния, а рабочие и крестьянские кружки скоро распадались.

Первым в Архангельске в конце 1903 г. был создан комитет РСДРП, куда в разное время входили и некоторые архангельские рабочие⁸⁶. Какие-либо точные данные о его численности отсутствуют. Весной 1905 г. на съезде РСДРП сообщалось, что в губернии было пятьдесят «очень дельных комитетчиков». Однако уже в сентябре 1907 г. члены комитета были арестованы, а имевшаяся у них типография ликвидирована. Более года спустя вновь появилось несколько социал-демократических кружков на лесопильных заводах, которые, впрочем, были немногочисленны и просуществовали недолго. Одной из причин неудач было отсутствие широкого интереса к ним со стороны рабочих. Например, когда в январе 1904 г. ссыльные в Архангельске решили устроить массовую политическую демонстрацию и пройти от завода к заводу, красный флаг и революционные песни не произвели на рабочих никакого впечатления. Как вспоминал один участник, рабочие, идущие на работу, «удивленно таращили... глаза и продолжали бежать по своим делам»⁸⁷. Развитию социал-демократического движения в губернии препятствовали и незамедлительные репрессии со стороны властей, особенно в период роста правительственного террора против революционных организаций после 1907 г. Так, в частности, кружок социал-демократов, образовавшийся в конце 1912 г. среди рабочих лесопильных заводов Онеги, собрания которого посещали более 20 человек, просуществовал лишь до января 1913 г., когда члены кружка были арестованы, а организатор сослан в Печорский уезд.

губернии. С. 83. См. также: *Ильинский М.В.* Архангельская ссылка. С. 36; *В.Т. Емецкая* ссылка (Воспоминания) // 1905 год. С. 109. Однако порой в отдаленных уездах высокая стоимость жилья и продовольствия заставляли ссыльных бедствовать, см.: *В.Т. Наброски* ссылки. С. 116.

⁸³ *Ильинский М.В.* Архангельская ссылка. С. 175, 181–185, 244.

⁸⁴ См. десятки резолюций волостных и сельских сходов, собраний мещан и органов городского управления, полученных канцелярией архангельского губернатора с апреля 1906 по июль 1908 г.: ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 4. Д. 1165.

⁸⁵ См. постановления нескольких волостных и сельских сходов в Печорском, Мезенском, Архангельском уездах, июль 1907 – сентябрь 1908 г.: ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 4. Д. 1165. Л. 10, 49, 51–51 об., 55–56 об. Архангельские губернаторы также настаивали перед Департаментом полиции на прекращении ссылки, ссылаясь на проблемы с охраной и размещением ссыльных. Хотя ссылка продолжалась, численность ссыльных постепенно уменьшалась по мере отбытия ими сроков наказания и объявления политических амнистий, и к началу Первой мировой войны в губернии оставались лишь единичные ссыльные. См.: ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 4. Д. 1165. Л. 19–19 об., 22–22 об., 44–44 об. (журналы губернских совещаний и переписка о размещении ссыльных, январь – сентябрь 1908 г.).

⁸⁶ С. Очерк по истории РСДРП в Архангельской губернии. С. 122–135; Очерки истории Архангельской организации КПСС. С. 15–26. См. также: *Петров А.К.* Первые с.-д. рабочие кружки в Архангельске. С. 45–58.

⁸⁷ *Петров А.К.* Первые с.-д. рабочие кружки в Архангельске. С. 59.

Вплоть до Первой мировой войны в губернии не было постоянной социал-демократической организации⁸⁸.

Архангельские эсеры по своему влиянию, а, вероятно, также и по численности к концу лета 1906 г. уступали социал-демократам. По крайней мере, так полагал начальник Архангельского губернского жандармского управления, который смог насчитать на подведомственной территории всего десяток последователей партии эсеров⁸⁹. Местная эсеровская организация существовала, по-видимому, уже с весны 1906 г. И хотя архангельские эсеры сообщали в центральные органы партии о значительном росте организации, она не проявляла особой активности. Правда, сочувствующие эсерам имелись среди архангельской интеллигенции и учащихся⁹⁰. Но, хотя члены партии предпринимали попытки организовать кружки среди крестьян-лесорубов и рабочих лесопильных заводов, число этих кружков можно было пересчитать по пальцам, а их деятельность вскоре прекратилась сама собой. Наибольшим успехом архангельских эсеров стали выборы во II Государственную Думу, где выдвинутый ими депутат занял одно из двух предоставленных губернии мест (второй депутат примкнул к трудовикам). Эсеровская программа нашла отражение на страницах газеты «Северный листок», которая с конца 1906 г. до ее закрытия летом 1907 г. выступала как орган, близкий к эсерам. Однако последовавшие репрессии и общее изменение политического климата в стране повлияли на сворачивание активности эсеров. Впоследствии деятельность губернского комитета партии проявлялась в издании ряда гектографированных газет и листовок, авторами и редакторами которых были в основном политические ссыльные⁹¹.

Таким образом, в годы первой русской революции в Архангельской губернии образовался полный спектр местных комитетов политических партий. Так же как и в большинстве регионов России, они имели влияние почти исключительно в городах, и прежде всего среди образованных слоев населения. Архангельские либералы, близко связанные с региональным движением, играли на Севере безусловно лидирующую роль, а социал-демократы и эсеры вплоть до 1917 г. не могли значительно упрочить свои позиции. Тем не менее малочисленность городской интеллигенции, из которой черпали кадры все политические партии, от октябристов до социалистов включительно, обусловила то, что представители архангельской политической общественности, как правило, были близко знакомы и тесно общались друг с другом на политическом и бытовом уровнях. Представители разных политических групп дружно участвовали в банкетной кампании, сотрудничали в появившейся региональной прессе и отстаивали местные общественные интересы на скамьях городской думы и в заседаниях Архангельского общества изучения Русского Севера. Между партиями не было непреодолимых границ, и некоторые их члены, например Галецкий, довольно свободно переходили из одной партии в другую. В Архангельске, так же как в некоторых других провинциальных городах, например в Саратове⁹², эта сравнительная узость и сплоченность рядов политической общественности сделала

⁸⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 3. Д. 1321. Л. 112–112 об. (донесение начальника АГЖУ губернатору, 24 августа 1906 г.); Очерки истории Архангельской организации КПСС. С. 12–63; Архангельская областная организация КПСС в цифрах. 1917–1981. Архангельск, 1982. С. 12–13. Об Онежском кружке социал-демократов см.: Ф. 102. Оп. 243. Д. 5. Ч. 4. Л. 1–3 (донесения начальника АГЖУ Молчанова в департамент полиции, 25 января и 14 мая 1913 г.); Д. 5. Ч. 4 Б. Л. 9–9 об. (сводка агентурных сведений по Архангельской губернии, январь 1913 г.).

⁸⁹ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 3. Д. 1321. Л. 112–112 об. (донесение начальника АГЖУ губернатору, 24 августа 1906 г.).

⁹⁰ По данным М.И. Леонова, архангельский союз эсеров в начале 1907 г. уже насчитывал до 300–350 членов, в городе имелся также союз учащихся. Кроме того, существовали группы эсеров в селе Ковда, городах Мезени и Шенкурске. См.: Леонов М.И. Эсеры в революции 1905–1907 гг.: Учебное пособие к спецкурсу. Самара, 1992. С. 50; Он же. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 407.

⁹¹ Во II Государственной Думе архангельских эсеров представлял И.А. Лебедев, трудовиков – Г.С. Михайлов. Об эсеровских организациях в губернии см.: *Hildermeier M.* Die Sozialrevolutionäre Partei Russlands. Agrarsozialismus und Modernisierung im Zahlenreich (1900–1914). Köln, 1978. S. 241–243, 311, 315; *Чупров В.И.* О деятельности социалистов-революционеров на Севере Европейской России (1905–1914 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1995. С. 133–138.

⁹² О близких связях между либералами, социал-демократами и эсерами в Саратове см.: *Raleigh D.* Revolution on the Volga.

возможным длительное сотрудничество представителей различных партий в местных органах власти в 1917 г. и в годы Гражданской войны.

Рабочее и крестьянское движение в Архангельской губернии

Отсутствие в Архангельской губернии влиятельных социалистических организаций сказалось на том, что появившееся здесь в начале XX в. рабочее и крестьянское движение было слабо организованным и преимущественно аполитичным.

Для рабочего движения в Архангельской губернии показательными стали события революции 1905–1907 гг., которая обошлась здесь без масштабных рабочих выступлений, характерных для центра страны, и вообще едва ли походила на революцию⁹³. Губернию не затронул мощный подъем стачечного движения в 1905 – начале 1906 г., и лишь в мае – июне 1906 г., когда рабочее движение в стране уже пошло на спад, здесь было объявлено несколько забастовок с исключительно экономическими требованиями. Самой значительной была забастовка рабочих-лесопильщиков, продолжавшаяся полторы недели и охватившая 17 лесозаводов Архангельска и окрестностей и примерно 9 тыс. рабочих⁹⁴. Являясь и по масштабам, и по организованности наиболее крупным рабочим выступлением в Архангельской губернии до 1917 г., эта забастовка была примечательна в нескольких отношениях.

Прежде всего, разительным контрастом рабочим волнениям в центре страны было то, что среди требований архангельских рабочих отсутствовали даже намеки на политику, если не считать того, что они настаивали на праздновании 1 мая без вычетов из зарплаты. По данным ряда источников, политические ораторы на митингах успеха не имели. Глава губернских жандармов А.Ф. Соболев, очевидно, вполне обоснованно заверял министерское начальство, что «архангельские рабочие в общем мало склонны к революционной деятельности и, по-видимому, вполне искренне говорят, что они не желают слушать “политических” речей и добиваются улучшения своего экономического положения»⁹⁵.

Другим примечательным моментом были благосклонное отношение к бастовавшим со стороны губернской администрации и ведущая роль губернатора Н.Н. Качалова в разрешении конфликта. В частности, губернатор запретил жандармскому управлению арестовывать агитаторов и дал согласие на проведение нескольких многолюдных рабочих демонстраций в городе, доходивших по численности до 8–9 тыс. человек. При этом в Архангельске дело обошлось без стычек демонстрантов с полицией и войсками или массовых беспорядков. Забастовка завершилась также мирным образом – взаимными уступками сторон после шестидневных переговоров заводладельцев с представителями рабочих, проходивших при посредничестве губернатора. По форме совещания напоминали созданную в Петербурге согласительную комиссию сенатора Н.В. Шидловского, не сумевшую предотвратить всеобщей забастовки⁹⁶. В Архангельске же именно совещания при губернаторе сделали возможным достижение компромисса. В частности, рабочий день был сокращен на час, и зарплата была повышена на 10–20 %⁹⁷.

⁹³ О рабочем движении в стране в период революции 1905–1907 гг. см.: *Папкратова А.М.* Первая русская революция 1905–1907 гг. М., 1951; *Рабочий класс в первой российской революции 1905–1907 гг.* / Ред. В.И. Бовыкин и др. М., 1981; *Engelstein L.* Moscow, 1905: Working-Class Organization and Political Conflict. Stanford, 1982; *Suhr G.D.* 1905 in St Petersburg: Labor, Society, and Revolution. Stanford, 1989.

⁹⁴ *Федотова Е.Д.* Революционное движение в Архангельской губернии в годы первой русской революции. С. 37, 49–51, 63, 69–71, 88–94.

⁹⁵ Второй период революции. 1906–1907 годы. Часть вторая: Май – сентябрь 1906 года. Кн. 2 / Ред. М.С. Симонова. М., 1962. Док. 65; см. также док. 64.

⁹⁶ О комиссии Шидловского см.: *Шустер У.А.* Петербургские рабочие в 1905–1907 гг. Л., 1976. С. 101–110; *Suhr G.* 1905 in St. Petersburg: Labor, Society, and Revolution. P. 203–218.

⁹⁷ Второй период революции. 1906–1907 годы. Часть вторая. Кн. 2. Док. 65, 66; 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. С. 23–27, 141, 145–146.

Опыт успешной забастовки на лесопильных заводах оказал существенное влияние на последующие рабочие выступления, предотвратив политизацию и радикализацию рабочего движения в губернии. Лесопильщики и действовавшие по их примеру портовики, приказчики и торговые служащие в дальнейшем демонстрировали готовность разрешать трудовые конфликты мирным путем, при необходимости прибегая к посредничеству губернской администрации. Начиная же с 1907 г. стачечное движение и вовсе пошло на спад. В последующие годы в губернии происходило не более одной-двух небольших забастовок в год, а в 1913 г. не было зафиксировано ни одной забастовки⁹⁸. Невысокой стачечной активности рабочих соответствовала и слабость профсоюзного движения. Профессиональный союз рабочих лесопильных заводов в Архангельске, созданный на основе стачечного комитета летом 1906 г., был закрыт властями уже весной следующего года, когда в помещениях союза были найдены брошюры антиправительственного содержания. Всего же из созданных в Архангельской губернии в 1906–1907 гг. 16 профессиональных обществ до 1917 г. просуществовало лишь общество приказчиков и конторщиков и ссудно-сберегательная касса при нем⁹⁹. Несмотря на то что в период второй русской революции в губернии будет наблюдаться новый рост стачек и численности профсоюзов, в целом рабочее движение не приобрело значительного влияния на развитие событий в губернии ни в 1917 г., ни в годы Гражданской войны.

Подобно рабочему движению, крестьянское движение в Архангельской губернии в начале XX века также не отличалось размахом или радикальностью. Губерния не знала отчаянной вражды крестьян с помещиками, так как помещичье землевладение здесь отсутствовало. Главным источником поземельных споров было произвольное использование крестьянами казенных и удельных лесов и луговых угодий. Лесники являлись первейшими врагами архангельских крестьян, и именно на них, а не на помещиков крестьяне нападали в ходе аграрных беспорядков¹⁰⁰. Крестьяне не только полагали, что не обязаны платить за пользование угодьями или порубленный лес, но и нередко считали леса своими по причине их обилия и отсутствия четко обозначенных межей между казенными и общинными землями. Самые значительные крестьянские выступления в Архангельской губернии приходились на земледельческий Шенкурский уезд, население которого на 4/5 состояло из бывших удельных крестьян. Эти крестьянские волнения в уезде показательны для характера и масштабов движения крестьян в губернии в начале XX в. и поэтому заслуживают более пристального внимания.

Причиной недовольства шенкурских крестьян были крайне неудачные условия выхода их из удельной зависимости. Все пастбища, луговые и лесные угодья остались в распоряжении удельного ведомства. Тем временем крестьянский надел был крайне незначителен и в среднем по уезду составлял 3,5 дес. на душу населения вместо 7 дес., установленных Положением. Неудачное решение земельного вопроса в уезде признавали даже архангельские губернаторы, жандармское начальство и окружная прокуратура. Случаи отказа крестьян от платы за пользование угодьями участились в начале XX в., когда истекло время их льготного использования, и достигли пика в 1905–1906 гг., когда аграрные беспорядки приняли массовый, организованный и отчасти политический характер¹⁰¹.

⁹⁸ Второй период революции. 1906–1907 годы. Часть вторая. Кн. 2. Док. 66; Часть третья. Октябрь – декабрь 1906 года / Ред. М.С. Симонова. М., 1963. Док. 123; С. 546. Примеч. 188; Часть третья. Январь – июнь 1907 года. Кн. 1 / Ред. Н.С. Трусова. М., 1963. Док. 6, 11; *Соколов Д.* Из истории революционного рабочего движения 1905–1908 годов в Архангельской губернии // 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. С. 28–32.

⁹⁹ Второй период революции. 1906–1907 годы. Часть третья. Кн. 1. Док. 125; *Соколов Д.* Из истории революционного рабочего движения 1905–1908 годов в Архангельской губернии // 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. С. 13–15.

¹⁰⁰ История северного крестьянства. Т. 2. С. 143–145, 185–187; *Федотова Е.Д.* Революционное движение в Архангельской губернии в годы первой русской революции. С. 77.

¹⁰¹ О крестьянской реформе на Севере см.: История северного крестьянства. Т. 2. С. 26–42. Об аграрном движении в начале XX в. и позиции архангельской администрации см.: Революционное движение в России весной и летом 1905 года.

Начало массовому крестьянскому движению в ноябре 1905 г. положило совещание деревенских представителей в Шенкурске, которое должно было обсудить наказ депутату от губернии в Государственную Думу. Неожиданно под влиянием речей депутатов от сельской интеллигенции совещание приняло радикальный оборот. Оно утвердило требования провести выборы в Думу на основе «четырёххвостки», наделить ее правами Учредительного собрания, провести конфискацию государственных, удельных, церковных и частновладельческих земель, бесплатно наделив ими трудовое население, а также уничтожить тюрьмы и волостные суды¹⁰². Съезд положил начало Союзу шенкурских крестьян, официально примкнувшему к Всероссийскому крестьянскому съезду, отделения которого действовали и в других губерниях страны. Несмотря на последовавший запрет деятельности союза и арест его организаторов, в следующем году было нелегально проведено еще три уездных съезды, которые выразили поддержку трудовой группе в Государственной Думе и выступили за созыв Учредительного собрания и политическую амнистию¹⁰³.

Хотя именно политические заявления Союза крестьян привлекли особое внимание как местной жандармерии, так и последующей историографии, наибольшие практические последствия имело постановление съезда не платить выкупные платежи и деньги за пользование угодьями. В результате по решению волостных и сельских сходов почти повсеместно в уезде стали происходить вырубка удельных лесов и самовольные покосы сена на удельных землях, сопровождавшиеся бойкотом удельной администрации и суда¹⁰⁴.

Беспорядки в Шенкурском уезде в 1905–1906 гг. стали единственными в губернии, для подавления которых потребовались дополнительные войска. По требованию губернатора осенью в 1906 г. в Архангельск прибыли две роты солдат и сотня оренбургских казаков. Войска переходили из одной деревни в другую, производя разбирательства и аресты зачинщиков выступлений (последних сажали под арест, штрафовали или просто пороли). Несмотря на участие армии, вся операция обошлась без открытых столкновений с крестьянами. Обычно спустя несколько дней после прихода войск крестьяне, вынужденные содержать расквартированные в деревне части, сами приносили повинную и давали обязательство подчиняться в будущем требованиям властей. Единственными жертвами усмирения в итоге стали 19 коров, 10 баранов, 2 свиньи и 33 курицы, реквизированные у крестьян для пропитания воинских частей¹⁰⁵.

Хотя в деятельности Союза шенкурских крестьян можно видеть зарождавшийся интерес крестьянства к общенациональной политике¹⁰⁶, главным стремлением крестьян было добиться

Апрель – сентябрь. Часть первая. Док. 428–431; Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь – декабрь 1905 года. Часть вторая / Ред. А.Л. Сидоров. М., 1955. Док. 192, 208.

¹⁰² Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь – декабрь 1905 года. Часть вторая. Док. 192–194, 205.

¹⁰³ Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь – декабрь 1905 года. Часть вторая. Док. 208; Второй период революции. 1906–1907 годы. Часть вторая: Май – сентябрь 1906 года. Кн. 2. Док. 67, 70; *Суздаев А.* Союз шенкурских крестьян (Из истории крестьянского движения в Шенкурском уезде, Архангельской губернии, в 1905–1906 гг.) // Красная летопись. 1925. № 4. С. 166–184; *Потылицын А.И.* Революционное крестьянское движение на Севере в 1905–1907 гг. Архангельск, 1941. С. 27–59. О Всероссийском крестьянском союзе см.: *Кирюхина Е.И.* Всероссийский Крестьянский союз в 1905 г. // Исторические записки. 1955. Т. 50. С. 95–141; *Кирельшиев А.А.* Всероссийский крестьянский союз. 1905–1930 гг. Мифы и реальность. М., 2004.

¹⁰⁴ Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь – декабрь 1905 года. Часть вторая. Док. 196, 197, 205, 207, 208; Второй период революции. 1906–1907 годы. Часть вторая: Май – сентябрь 1906 года. Кн. 2. Док. 68, 69; Часть третья: Октябрь – декабрь 1906 года. Док. 122, 124.

¹⁰⁵ Второй период революции. 1906–1907 годы. Часть третья: Октябрь – декабрь 1906 года. Док. 127; *Соколов Д.* Из истории революционного рабочего движения 1905–1908 годов в Архангельской губернии // 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. С. 32–33; Крестьянское революционное движение в Шенкурском уезде 1905–06 гг. // 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. С. 69–70. По данным У. Фуллера, в целом по стране в 1905–1907 гг. войска использовали оружие для подавления беспорядков лишь в 4,5–8 % случаев: *Fuller W.* Civil-Military Conflict in Imperial Russia, 1881–1914. Princeton, 1985. P. 129–130.

¹⁰⁶ См.: *Seregny S.* Peasants and politics: Peasant Unions during the 1905 Revolution // Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800–1921 / Ed. E. Kingston-Mann, T. Mixter. Princeton, 1991. P. 341–377.

свободного пользования удельными угодьями. Политические же требования не были повсеместны. Кроме того, крестьянские волнения оставались локальными и не распространились за границы Шенкурского уезда, не затронув бывших государственных крестьян¹⁰⁷. В самом же уезде уступки со стороны удельного ведомства во многом уладили конфликт¹⁰⁸.

Шенкурские волнения также выявили значительные противоречия, существовавшие внутри самой деревни. Как отмечают недавние исследования, в целом крестьянский мир на рубеже веков был далеко не таким сплоченным, каким он представлялся многим современникам и историкам¹⁰⁹. Уже в дни работы первого шенкурского съезда требование ввести в стране республиканское правление или анафема царю и царской семье, прозвучавшая из уст священника Василия Попова, вызвали недовольство значительной части участников. В результате депутаты северных волостей уезда – Кургоменской, Ростовской, Устьяжской, Кицкой и Предтеченской, заявив, что они уполномочены решать только экономические вопросы, отказались от участия в съезде и разъехались по своим деревням. Позже во многих волостях постановления съезда утверждались лишь в той части, которая касалась бесплатного пользования удельными угодьями, политические же требования вычеркивались. Стычки происходили и в отдельных сельских обществах, где, по сообщению местных чиновников, часть общины избивала другую, пытаясь принудить сопротивлявшихся к подписанию волостных приговоров¹¹⁰. Впоследствии внутренние противоречия в крестьянской среде и локальные конфликты влияли на ход революции в губернии и нередко играли решающую роль в том, чью сторону примет та или иная деревня в Гражданской войне.

В целом, в Архангельской губернии накануне Первой мировой войны мало что предвещало грядущий революционный кризис. Относительная слабость рабочего и крестьянского движения и одновременно значительное влияние либеральных партий не свидетельствовали о том, что губерния может стать оплотом радикализма в новой революции. Но также едва ли кто мог ожидать, что именно на Севере появится один из белых фронтов, выступивших против большевистской власти в центре страны. Разразившаяся в 1914 г. Первая мировая война больше, чем что-либо иное, повлияла на ход революции на Севере. Она также в значительной мере обусловила появление в Архангельске белого правительства в годы Гражданской войны.

¹⁰⁷ В других уездах губернии произошло несколько забастовок сплавщиков леса; также крестьяне составляли наказания, включавшие иногда политические требования. См.: *Потылицын А.И.* Революционное крестьянское движение на Севере в 1905–1907 гг. С. 59–65.

¹⁰⁸ В 1906 г. Крестьянскому банку были переданы значительные площади удельной земли для продажи крестьянам, что позволило ослабить земельный голод в Шенкурском уезде. См.: Второй период революции. 1906–1907 годы. Часть вторая: Май – сентябрь 1906 года. Кн. 1 / Ред. Г.М. Деренковский. М., 1961. Док. 34; Часть вторая. Кн. 2. Док. 70; Часть третья: Октябрь – декабрь 1906 года. С. 548. Примеч. 200.

¹⁰⁹ См. в первую очередь: *Gaudin C.* Ruling Peasants: Village and State in Late Imperial Russia. DeKalb, 2007.

¹¹⁰ Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь – декабрь 1905 года. Часть вторая. Док. 197, 205, 208; Второй период революции. 1906–1907 годы. Часть вторая: Май – сентябрь 1906 года. Кн. 2. Док. 68.

Первая мировая война и Архангельская губерния

Вильгельм Вильгельмович Гувелякен, уже четвертый раз занимавший пост архангельского городского головы, видимо, был весьма озадачен, когда в начале 1916 г. ему на стол легло указание губернатора сменить немецкие названия улиц города на русские¹¹¹. К тому моменту архангельские союзы и общества – от Торгово-промышленного собрания до Общества поощрения рысистого коннозаводства – уже исключили из числа своих членов немецких подданных¹¹². А расположившийся в городе гарнизон и склады военного снаряжения и боеприпасов постоянно напоминали горожанам о войне. Теперь даже топонимический ландшафт становился другим: Гамбургская улица в Соломбале стала называться Назарьевской, Прусская – 6-м проспектом, Любекская – Новоземельской¹¹³. К счастью для него, сам Вильгельм Вильгельмович, являвшийся крупным архангельским купцом, лесозаводчиком и, среди прочего, председателем Архангельского биржевого комитета и членом правления Общества изучения Русского Севера, смог сохранить свои звучащие вызывающе по-немецки имя и отчество¹¹⁴. В этом отношении гораздо меньше повезло вице-адмиралу Людвигу Бернгардовичу Керберу, командующему флотилией Северного Ледовитого океана и архангельским гарнизоном, который приехал в Архангельск в декабре 1916 г. уже как Людвиг Федорович Корвин¹¹⁵.

Переименования в годы войны происходили по всей стране и были частью борьбы против «немецкого засилья», одной из спонтанных и запоздалых попыток перестроить империю по образцу национального государства с целью упрочить тыл и поддержать военные усилия армии и правительства¹¹⁶. Однако едва ли где абсурдность подобных мер была более очевидна, чем в городе, где потомки иностранных подданных были многочисленны и влиятельны и где люди под фамилиями Гувелякен и Лейцингер уже более двух десятков лет постоянно сменяли друг друга на посту городского головы¹¹⁷. Переименования были внешним отражением тех глубоких изменений, которые принесла с собой Первая мировая война. Вызванное войной напряжение экономики, а также неудачная политика и плохое администрирование, вместе взятые, имели значимые последствия для губернии, проявившиеся в полной мере уже в 1917 г. Революция на Севере не была прямым следствием войны. Но война, принесшая с собой расположившиеся в городах военные гарнизоны и флотские команды, корабли держав Антанты в северных портах и общий развал хозяйства, наметила те линии, по которым революция развивалась в этом крае

¹¹¹ ГААО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1541. Л. 24 (журнал заседания Архангельской городской думы, 20 января 1916 г.).

¹¹² ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1343. Л. 158 (циркуляр архангельского губернатора полицмейстеру и уездным исправникам, 27 ноября 1914 г.). См. также, например: ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1343. Л. 174 (список одиннадцати иностранных подданных, исключенных из союзов г. Архангельска, февраль 1915 г.). В годы войны решением «Особого совещания по вопросу о немецком влиянии в Архангельской губернии» в Архангельске также была закрыта немецкая школа, а в кирхе было запрещено читать проповеди на немецком языке. См.: *Трошина Т.И.* Архангельск в годы Первой мировой войны: экономические и социокультурные процессы. Дисс. ... канд. ист. наук. Архангельск, 1999. С. 182–183.

¹¹³ Городская дума утвердила переименование улиц только спустя несколько месяцев, в апреле 1916 г., после долгих споров и повторных обращений губернатора. См.: ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1480. Л. 138 (письмо губернатора городскому голове, 13 апреля 1916 г.); Ф. 50. Оп. 1. Д. 1541. Л. 100–100 об. (журнал заседания Архангельской городской думы, 15 апреля 1916 г.).

¹¹⁴ *Амбросевич Ф.В.* Городской голова Архангельска. (К 150-летию со дня рождения Вильгельма Вильгельмовича Гувелякена) // Памятные даты Архангельской области. 2007 год. Архангельск, 2007. С. 85–89; *Поморская энциклопедия.* Т. 1. С. 134.

¹¹⁵ *Доценко В.Д.* Словарь биографический морской. СПб., 2000. С. 178; *Поморская энциклопедия.* Т. 1. С. 185.

¹¹⁶ *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I. Cambridge, Mass., 2003; *Соболев И.Г.* Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2004.

¹¹⁷ В.В. Гувелякен с 1895 по 1917 г. четыре раза избирался на пост городского головы, Я.И. Лейцингер прослужил на этом посту подряд четыре срока с 1903 по 1914 г. По данным на 1897 г., среди 20 882 жителей Архангельска лиц неправославного вероисповедания было около 5 %, однако среди гласных городской думы в 1910–1913 гг. они составляли 22 %, причем все, за исключением одного, были лютеранами, владевшими торговыми и промышленными предприятиями и крупной недвижимостью. См.: *Справочная книга по Архангельскому городскому общественному управлению, 1870–1910.* Архангельск, 1910. С. xviii – xxvii, 10; *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.* Вып. 6. С. 1.

после крушения старого режима. Именно война во многом дает ключ и к пониманию того, кто, когда и почему поддержал революцию в губернии и также почему именно Архангельск стал местом образования белого правительства и интервенции держав Антанты.

Фронт «германской войны» вплоть до 1917 г. даже отдаленно не приблизился к границам Архангельской губернии. Однако война дала себя почувствовать уже в первые дни после царского манифеста 20 июля 1914 г., известившего о вступлении России в войну, когда по губернии пронесся панический слух о приближении к Архангельску германской эскадры. Вследствие этого в городе были затоплены суда для заграждения фарватера, а золотая наличность Государственного банка была срочно вывезена в Вологду¹¹⁸. Хотя тревога оказалась ложной и город за всю войну ни разу так и не подвергся нападению врага, Архангельск и губерния с лета 1914 г. неожиданно во многих отношениях оказались действительно на первой линии обороны. Когда гавани Балтийского и Черного морей были блокированы противником, Архангельск остался единственным портом европейской части России, открытым для сношений с внешним миром. Именно через него должны были идти миллионы тонн вооружения и военного снаряжения, поступавшие от западных союзников России по Антанте для нужд русской армии. Чтобы обеспечить их транспортировку, была начата срочная перешивка узкоколейной железной дороги на широкую колею. Одновременно на берегу Северной Двины напротив Архангельска был заложен новый порт Бакарица, где грузы должны были перегружаться в железнодорожные вагоны, а в 25 верстах от города, ближе к морю, был устроен аванпорт Экономия. Не успевая проходить через бутылочное горлышко Архангельской железной дороги (перешивка ее на широкую колею затянулась до января 1916 г.), грузы складировались прямо на берегу. В итоге в портах выросли огромные склады взрывчатых веществ, снарядов, военного снаряжения и имущества¹¹⁹.

Чтобы справиться с кризисом перевозок, а также задержками с разгрузкой судов в Архангельском порту, замерзавшем на несколько месяцев в году, была начата постройка новой железнодорожной линии в город Романов-на-Мурмане, заложенный в 1915 г. на берегу незамерзающего Кольского залива. На постройку прибыли многочисленные рабочие-контрактники из центральной России, китайские рабочие, а также от 40 до 70 тыс. военнопленных австро-венгерской и германской армий. Все эти люди существовали в плохо приспособленных для жизни условиях, страдали от недоедания, цинги, тифа и туберкулеза¹²⁰.

Так как у России на Севере не имелось собственного военного флота, для охраны морских перевозок союзниками России по Антанте в 1915 г. была прислана британская эскадра под командованием адмирала Т.У. Кемпа. Союзное морское присутствие в северных водах впоследствии стало отправной точкой интервенции Антанты в Гражданской войне на Севере, которая первоначально выглядела как продолжение союзных мер по защите края от немцев. Одновременно началось формирование флотилии Северного Ледовитого океана из кораблей, переведенных с Тихого океана и купленных за границей, а также переоборудованных торговых судов. В ее составе к осени 1917 г. было около ста кораблей, в том числе линкор, два крейсера, шесть миноносцев. На основных базах флотилии – в Архангельске и Мурманске – помимо личного состава кораблей, насчитывавшего 6800 человек, находилось около 2,5 тыс. ратников морского ополчения, различные воинские команды и военизированные рабочие отряды. К

¹¹⁸ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 14 (воспоминания рыбопромышленника Е.Д. Могучего с 20 июля 1914 г. по 11 марта 1920 г.); ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 1. Л. 58 (воспоминания В.Ф. Бидо, апрель 1925 г.).

¹¹⁹ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 2. Л. 103–105 об. (воспоминания Архангельского вице-губернатора С.И. Турбина); Л. 109–111 (воспоминания архангельского генерал-губернатора А.М. Валуева); Д. 1. Л. 58 об. – 59 (воспоминания Бидо); *Понов Г.П.* Ногою твердой стаять при море...: Штрихи к портрету Архангельского порта. Архангельск, 1992.

¹²⁰ *Nachtigal R.* Die Murmanbahn 1915 bis 1919. Kriegsnotwendigkeit und Wirtschaftsinteressen. Remshalden, 2007. В архангельском порту и на железной дороге с 1916 г. также работали более 6 тыс. ратников бурятской инородческой дружины, см.: *Трошина Т.И.* Архангельск в годы Первой мировой войны. С. 150–154.

началу 1917 г. сухопутный и флотский гарнизон Архангельска и его окрестностей насчитывал свыше 19 тыс., Мурманска – до 14 тыс. человек¹²¹.

Для согласования работы военного, морского и гражданских ведомств в июне 1915 г. было учреждено Архангельское генерал-губернаторство, замененное спустя месяц должностью главноначальствующего городом Архангельском и водным районом Белого моря (главнач). Главнач являлся не только начальником гарнизона и флотилии, но и главой всей местной гражданской администрации. Таким образом, с лета 1915 г. Архангельск и губерния были переданы в непосредственное подчинение Военному министерству (с июня 1916 г. главнач был переподчинен Морскому министру)¹²². Практика подчинения гражданского управления военной власти в губернии была прямой предшественницей генеральского правления периода Гражданской войны.

С установлением системы военного управления в 1915 г. положение, однако, не улучшилось. Строительные работы и разгрузка по-прежнему продвигались крайне медленно, а из-за скопления и неправильного хранения большого количества опасных грузов в октябре 1916 г. и январе 1917 г. на Бакарице и в Экономии прогремели два мощных взрыва, уничтоживших значительную часть военных складов. При взрыве и в последовавшем пожаре на Бакарице погибли более 600 человек, еще почти 1,5 тыс. были ранены. На Экономии лишь обеденный перерыв позволил избежать больших жертв, численность которых в итоге составила 70 погибших и 500 раненых. Однако огнем были уничтожены 14 тыс. тонн из 38 тыс. тонн складированных на Экономии грузов и три парохода¹²³. Специально созданная комиссия полагала, что причиной происшествия на Бакарице могла стать диверсия. На Экономии, напротив, военные эксперты пришли к однозначному выводу, что причиной взрыва стало неправильное хранение и транспортировка взрывчатых веществ. Однако в поисках виновных архангельские жандармы и военные чиновники были склонны списывать все случившееся на происки «внутреннего немца». Была начата серия расследований против портовых служащих и морских офицеров с немецкими фамилиями. И даже новому главначу вице-адмиралу Корвину жандармы припомнили его прежнюю фамилию Кербер¹²⁴. На инженеров с нерусскими фамилиями возлагалась и вина за задержки в постройке железной дороги. А по Архангельску ходили упорные слухи, что в городе имеется беспроволочный телеграф, по которому заседавшие в городе шпионы передают информацию в Германию¹²⁵.

Несмотря на шпиономанию, которая разрасталась в губернии не без содействия жандармского начальства и части военного командования, в целом на Севере сохранялось довольно

¹²¹ Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере (1917–1920 гг.): Сборник документов. Л., 1982. С. 4–5, 350–351; *Залесский Н.А.* Флот Русского Севера в годы первой мировой и гражданской войн // *Летопись Севера*. М., 1972. Т. 6. С. 148, 154–161. В целом население Архангельска увеличилось к осени 1917 г. в полтора раза, достигнув 66 тыс. человек, см.: Архангельская городская жилищная перепись 1918 года. С. 2

¹²² На пост архангельского генерал-губернатора был назначен А.М. Валуев, после учреждения должности главнач ее до весны 1917 г. последовательно занимали А.П. Угрюмов, Л.Ф. Корвин, И.И. Федоров. См.: ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1383. Л. 82 (письмо директора Департамента общих дел МВД архангельскому губернатору, 9 августа 1915 г.); ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 1. Л. 58 об. (воспоминания Бидо, апрель 1925 г.); Д. 2. Л. 105–105 об. (воспоминания вице-губернатора Турбина); Л. 108–108 об. (воспоминания генерал-губернатора А.М. Валуева). О системе военной администрации в России в годы Первой мировой войны см.: *Graf D. W.* Military Rule behind the Russian Front, 1914–1917: The Political Ramifications // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1974. Band 22. Heft 3. S. 390–411.

¹²³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 246. Д. 48. Ч. 4. Л. 46 об. (донесение начальника АГЖУ, 8 декабря 1916 г.); Оп. 247. Д. 20. Ч. 4. Л. 18 об. (донесение жандармского полковника Заварзина, 5 февраля 1917 г.).

¹²⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 247. Д. 20. Ч. 4. Л. 9 (повторная нумерация) (телеграмма генерала Соловьева, 16 января 1917 г.); Л. 18 об. – 20 (донесение полковника Заварзина, 5 февраля 1917 г.); Л. 9, 12–15 об. (донесения начальника АГЖУ Кормилина, 23 января – 10 февраля 1917 г.). См. также: Оп. 247. Д. 20. Ч. 4. Л. 16, Оп. 246. Д. 48. Ч. 4. Л. 15, 47 об., 48, 61–75 об. (переписка между АГЖУ, Департаментом полиции, Генеральным штабом и военными следователями в Архангельске, октябрь 1916 г. – февраль 1917 г.); Ф. 5867. Оп. 1. Д. 1. Л. 59 (воспоминания Бидо, апрель 1925 г.).

¹²⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 246. Д. 48. Ч. 4. Л. 3 об., 4 об. (донесение начальника АГЖУ Фагоринского, 7 января 1916 г.); ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1381. Л. 34–34 об. (анонимный донос на имя архангельского губернатора, 21 июля 1915 г.).

толерантное отношение к иностранцам. В частности, здесь удалось избежать немецких погромов, прокатившихся по Москве и другим городам России. Когда в июне 1915 г. в Архангельске появились слухи о готовящемся погроме немецких магазинов, контор и жителей с немецкими фамилиями, быстрые аресты предполагаемых зачинщиков, публичные обращения со стороны губернатора и прессы позволили предотвратить какие-либо происшествия. В конце концов так и осталось неясным, не было ли замешано в подготовке погрома местное жандармское отделение. В любом случае слухи упорно обозначали газетчика Сергеева, публиковавшего статьи о враждебной деятельности немецких фирм и подозревавшегося в подстрекательстве к погрому, как тайного жандармского агента¹²⁶.

Взрывы как никогда ранее приблизили войну к жизни архангельских горожан. Открывшиеся в городе в годы войны госпитали для раненых, один из которых разместился в доме самого гражданского губернатора С.Д. Бибикова, были переполнены обгоревшими людьми. Тем временем война уже с 1915–1916 гг. начинала также все острее сказываться на жизни простого населения уездных городов и сел губернии, проявляясь в виде новых наборов в армию и продовольственных трудностей.

Архангельская губерния не знала значительных беспорядков среди призывников. Наборы новобранцев, запасных и ополченцев в действующую армию в течение всей войны проходили успешно. Уездные исправники в своих донесениях отмечали, что первоначальное обнаружение царского манифеста в июле 1914 г. было встречено если не с «большим патриотическим подъемом», то по крайней мере «спокойно и с сознанием важности переживаемого момента»¹²⁷. В уездах, в опережение мобилизации, начался приток в армию добровольцев. По городам и селам призывников провожали с торжественными молебнами о даровании победы над врагом. В годы войны в связи с введением сухого закона не было даже обычного во время призывов массового пьянства. И лишь в аптекарских магазинах и лавках стал усиленно раскупаться одеколон. Употреблялся он, по убеждению исправников, отнюдь не для парфюмерных целей¹²⁸.

Видимо, немалое содействие спокойному ходу мобилизации оказало пособие от казны, выдававшееся семьям призывников. В частности, из Мезенского уезда сообщали, что призыв запасных и ратников, пришедшийся на горячее время сенокоса, вызвал у населения некоторую подавленность. Но после разъяснений, что правительство берет на себя заботу о материальном обеспечении семейств, «все население видимо облегченно вздохнуло, успокоилось и одновременно с этим стало разрастаться патриотическое настроение»¹²⁹. В общей сложности в армию из губернии было призвано 10,8 % от всех жителей, или 45,9 % всего трудоспособного мужского населения, что было немного ниже среднего показателя по стране¹³⁰. Несмотря на большие масштабы мобилизации, вплоть до конца 1916 г. жандармские донесения сообщали, что призывы проходили спокойно и уклонения от них были единичны¹³¹.

¹²⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 247. Л. 33 (донесение архангельского губернатора Бибикова, 17 мая 1915 г.); Л. 31–32 об. (донесение губернатора министру внутренних дел В.Ф. Джунковскому, 25 июня 1915 г.); Л. 34 (листочка-обращение губернатора к населению, 6 июня 1915 г.); Архангельск. 1915. 6 июня; Северное утро. 1915. 7 июня. О немецких погромах в России в годы мировой войны см.: *Lohr E. Nationalizing the Russian Empire. Ch. 2.*

¹²⁷ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1336. Л. 31 (донесение шенкурского исправника Высоцкого, 22 июля 1914 г.); Л. 300–302 (донесение чиновника по крестьянским делам 1-го участка Александровского уезда В.А. Михина, 2 августа 1914 г.); Д. 1345. Л. 92 (донесение архангельского исправника, 10 августа 1914 г.); Л. 83 (донесение кемского исправника, 3 августа 1914 г.); Л. 5 (донесение пинежского исправника, 4 февраля 1915 г.).

¹²⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1375. Л. 28 (донесение пинежского исправника, 3 апреля 1915 г.); Д. 1336. Л. 268–268 об. Д. 1345. Л. 84 (донесения шенкурского исправника, 28 июля и 3 августа 1914 г.).

¹²⁹ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1345. Л. 95–95 об., 98 (донесения мезенского исправника, 4 и 11 августа 1914 г.); Л. 82 (донесение пинежского исправника, 4 августа 1914 г.).

¹³⁰ *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939. Т. 1. С. 120 (см. также переиздания: М., 2001, и М., 2006). В среднем в России мобилизовано было 11,2 % населения, или 47,4 % всех трудоспособных мужчин.

¹³¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 4. Л. 19 (доклад начальника АГЖУ А. Кормилева директору Департамента полиции,

Мобилизация мужчин оказала заметное, хотя и не однозначное влияние на крестьянское хозяйство. Вследствие призыва около трети крестьянских хозяйств остались без работника-мужчины. Однако казенное пособие в значительной степени покрывало утраченные доходы. Видимо, война острее сказалась на положении тех семей, которые сохранили наличных работников, так как она подкосила промыслы, служившие основой крестьянского бюджета. Первыми пострадали морские промыслы. Появление кораблей и подводных лодок противника у мурманского побережья уже в первый год войны вызвало преждевременное завершение промыслового сезона. В 1915 г. на Мурман съехалось на треть меньше рыбаков, а в 1916 г. – лишь половина довоенного числа. Но даже выловленную рыбу было сложно продать на осенней Маргаритинской ярмарке, так как из-за расстройств транспорта торговцы из других губерний на ярмарку почти не приезжали. Опасности морского судоходства во время войны, а также мобилизация частных судов для военных нужд привели к сокращению и поморской торговли¹³².

Не менее остро сказалась война на лесных промыслах. Уже в августе 1914 г. в связи с неясной торговой обстановкой приостановил работу лесопильный завод в селе Ковда, принадлежавший шведскому подданному Арету Бергену. Тогда же остановили работу заводы товарищества «Петр Беляев и наследники». Все рабочие получили расчет. Оставшиеся открытыми лесозаводы испытывали трудности со сбытом продукции из-за перерывов морского сообщения и постепенно сокращали производство¹³³. Свертывание деятельности лесопилок тут же повлияло на сокращение заказов для поредевших в связи с мобилизацией крестьянских артелей, занимавшихся рубкой и сплавом леса. В результате общие лесозаготовки в северном регионе сократились к 1917 г. в среднем наполовину или даже на три четверти по сравнению с мирным временем¹³⁴. Также практически прекратился отход на работы в столичные города.

Трудное хозяйственное положение губернии еще более усложнил разразившийся продовольственный кризис. Война в полной мере обнажила зависимость губернии от привозного продовольствия, что проявилось уже в первую военную зиму. Железная дорога, забитая военными грузами, перестала справляться с перевозками. Транспорт находился под военным управлением, поэтому гражданские грузы часто перевозились в последнюю очередь. Это, естественно, приводило к длительным задержкам в хлебных перевозках. Предвидя обострение кризиса, архангельские торговцы начали придерживать хлеб в ожидании повышения цен. Уже в начале 1915 г. губернатору стали поступать отчаянные крестьянские письма: «Едешь за 30 а то 50 верст, а муки купить негде. Никто не продаст... Мы крестьяне хоть с голоду помирай»¹³⁵. А к осени 1915 г. положение стало настолько серьезным, что глава губернского жандармского управления доносил в центр, что «сильное вздорожание всех предметов первой необходимости... вызвало уже массу всяких толков и нареканий на торговцев и грозит вылиться в форму массового недовольства, так как с каждым днем положение обостряется»¹³⁶.

Для урегулирования продовольственной проблемы под председательством губернатора был создан специальный комитет, пытавшийся сдержать рост цен и наладить подвоз продо-

17 октября 1916 г.).

¹³² ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 14–15 (воспоминания Е.Д. Могучего).

¹³³ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1336. Л. 314 (рапорт емецкого исправника Голиничева, 8 августа 1914 г.); Д. 1345. Л. 104 (рапорт кемского исправника, 14 августа 1914 г.). К 1917 г. из 44 лесопильных заводов губернии работало только 30, см.: Аксенов А.Н. Установление Советской власти в Архангельской губернии. Архангельск, 1956. С. 9.

¹³⁴ Никулина Т.В. Лесозэкспорт на Севере России в годы империалистической войны. С. 128–130. В годы войны в три раза (с 84,7 % до 29,5 %) упала численность крестьянских хозяйств губернии, занимавшихся промыслами: История северного крестьянства. Т. 2. С. 241.

¹³⁵ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1343. Л. 382–382 об. (письмо крестьянина (без подписи) архангельскому губернатору, 9 февраля 1915 г.).

¹³⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 4. Л. 3 об. – 4 (доклад начальника АГЖУ Фагоринского товарищу министра внутренних дел, 30 октября 1915 г.).

вольствия¹³⁷. Другим ответом на надвигавшийся хлебный кризис стало массовое создание потребительских кооперативов, которые после 1914 г. росли буквально как грибы. К концу войны их число достигло 800, а количество членов – 127 тыс., что вместе с членами семей охватывало почти все население губернии¹³⁸. Однако даже потребкооперация не могла оказать влияния на урегулирование цен, так как в губернии не имелось крупных запасов товаров. Не привела она и к заметному росту поставок по причине перегруженности железнодорожного транспорта. Попытки пересылать товары не по железной дороге, а по гужевой почте в посылках привели к тому, что количество перевозимой почты моментально увеличилось в несколько раз и к весне 1916 г. даже регулярное почтовое сообщение внутри губернии оказалось под угрозой остановки¹³⁹.

Трудности со снабжением населения продовольствием только усилил наплыв беженцев, сосланных на Север иностранных граждан и приезжих рабочих. В Шенкурском, Пинежском и Печорском уездах были размещены почти 800 интернированных подданных враждебных государств, высланных большей частью из прифронтовых территорий и из Петрограда¹⁴⁰. Помимо этого, к началу 1916 г. в губернию переселились более двух тысяч беженцев из западных губерний, прежде всего из Прибалтики. Три четверти из их числа должны были разместиться в Архангельске, так как уездные власти наотрез отказывались принимать у себя беженцев из-за трудностей с пропитанием и отсутствия работы¹⁴¹. Самая трудная ситуация сложилась на Мурмане, где скопились многочисленные строительные рабочие, грузчики и железнодорожники и где уже к февралю 1916 г. стоимость жизни возросла «до ужасающих размеров». По заверению жандармского начальства, «если бы не запасы ржаной муки в казенных складах, то местное население давно бы бедствовало»¹⁴². Панику подстегивали слухи, что, например, в Онежском и Кемском уездах уже начался голод, что муки нет, а что вновь привозимая мука будет продаваться по заоблачным ценам – 15 или 16 рублей за мешок. Трудности со снабжением касались не только продовольствия. Показателем общего кризиса снабжения могло служить то, что в этой богатой лесом губернии в городах было почти не достать дров¹⁴³.

Недовольство трудным продовольственным положением усиливали тревожные письма, приходившие архангельским обывателям от родственников из действующей армии. Например, Анисим Курицын, призванный из Онеги в лейб-гвардии Литовский полк, писал семье из Красного Села: «Всем надоела как горькая редька эта война или бойня, вернее всего бойня, а не

¹³⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 4. Л. 11 (доклад начальника АГЖУ Фагоринского товарищу министра внутренних дел, 24 декабря 1915 г.).

¹³⁸ *Kotsonis Y. Arkhangel'sk, 1918: Regionalism and Populism in the Russian Civil War // Russian Review. 1992. Vol. 51. № 4. P. 531. См. также: Воронин А.В. Советская власть и кооперация (Кооперативная политика советской власти: центр и местные власти Европейского Севера в 1917 – начале 30-х гг.). Петрозаводск, 1997. С. 22.*

¹³⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 4. Л. 3 об. – 4; 16–16 об. (доклады начальника АГЖУ Фагоринского товарищу министра внутренних дел, 30 октября 1915 г., и директору Департамента полиции, 22 марта 1916 г.).

¹⁴⁰ См. переписку пинежского исправника и архангельского губернатора, февраль – март 1915 г.: ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1375. Л. 5, 17. См. также: Поморская энциклопедия. Т. 1. С. 260.

¹⁴¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1478. Л. 102 (сведения о распределении беженцев в Архангельской губернии на 1 января 1916 г.); Л. 90, 91, 93, 192 (донесения и анкетные листы о положении беженцев в уездах, март 1916 г.); Л. 288–288 об., 291 (протоколы Онежского и Мезенского уездных совещаний по устройству беженцев, 18 мая и 21 апреля 1916 г.). По данным Т.И. Трошиной, всего за годы войны в губернии было размещено свыше 6 тыс. беженцев: *Трошина Т.И.* Архангельск в годы Первой мировой войны. С. 164–165. В целом в России с традиционных мест проживания было поднято 17,5 млн. человек, или 12 % населения, в число которых входили мобилизованные, военнопленные и беженцы. См.: *Gatrell P. Russia's First World War: A Social and Economic History.* Harlow, 2005. P. 222; *Idem. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I.* Bloomington, 1999.

¹⁴² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 4. Л. 13 об. (доклад начальника АГЖУ Фагоринского товарищу министра внутренних дел, 13 февраля 1916 г.).

¹⁴³ Там же. Л. 3 об. – 4 (доклад начальника АГЖУ Фагоринского товарищу министра внутренних дел, 30 октября 1915 г.). В Онеге цена на словые дрова доходила до невероятной суммы в 80 руб. за кубическую сажень (1 кубическая сажень – 9,7 кубометра). См.: ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1494. Л. 4 (донесение онежского исправника, 6 февраля 1916 г.).

война. Мозг наш не переваривает для чего, почему и за что мы должны выносить все тяготы и лишения, подставляя свою грудь под пули и снаряды и вся тягость войны ложится только на нас, а состоятельный класс да миллионеры только набивают себе карманы да брюки, а тут наши отцы, братья, сестры и дети с голоду мрут»¹⁴⁴.

Широкая мобилизация и продовольственные трудности тем не менее вплоть до весны 1917 г. не вызвали в Архангельской губернии ни массовых беспорядков, наблюдавшихся в других частях страны, ни открытых протестов против войны¹⁴⁵. Единственным случаем выступления крестьян была ставшая уже почти традиционной самовольная порубка удельного леса в трех деревнях Шенкурского уезда в 1915 г.¹⁴⁶ В годы войны в крае не было и рабочих забастовок, да и в целом рабочее движение в этот период ничем себя не проявляло. Несмотря на приток в губернию портовых рабочих и строителей, а также на то, что в лице латышских беженцев в губернии появилось значительное число рабочих социал-демократов, жандармские сводки постоянно отмечали отсутствие революционных организаций и политической пропаганды среди рабочих. По сведениям жандармов, лишь немногочисленная местная городская интеллигенция была склонна «к порицанию существующего государственного строя, к кадетству»¹⁴⁷.

В целом же, как заключал в одном из донесений жандармский полковник Е. Фагоринский, губерния «остаётся во многих отношениях отсталой, темной, исключительно крестьянской, но вместе с тем и чисто русской, крепкой народным духом и преданностью Царю и родине»¹⁴⁸. Судя по жандармским сводкам, вплоть до конца 1916 г. население продолжало живо интересоваться войной и не проявляло склонности к революционным волнениям¹⁴⁹. События последующих месяцев со всей очевидностью показали ошибочность этих оценок.

Первая мировая война на Севере не спровоцировала революционный кризис. Но сценарий революции в Архангельской губернии, стремительно развивавшейся после крушения монархии, в основных чертах сложился в годы Первой мировой войны. Не рабочие или крестьяне губернии, но прибывшие во время войны военные гарнизоны и морские команды, наряду с приезжими строительными рабочими, стали главным двигателем революции, обеспечив поддержку более радикальным политическим силам. Обострившийся в период мировой войны продовольственный кризис поставил хлебный вопрос во главу угла и во многом обусловил отношение обычного населения губернии к сменявшим друг друга политическим режимам. В частности, надежды на улучшение хлебного снабжения первоначально способствовали популярности антибольшевистских сил, рассчитывавших наладить подвоз в губернию хлеба от союзников по Антанте. Военные склады, выросшие в Архангельске и Романове-на-Мурмане, переименованном в Мурманск в 1917 г., стали главной заботой союзников, когда большевистское правительство заключило мир с Германией. Стремление не допустить их передачу немцам стало одним из главных мотивов интервенции Антанты на Севере России.

¹⁴⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 246. Д. 165. Ч. 4. Л. 2, 5–5 об. (копия писем А. Курицына в Онегу Л.Я. Курицыну, 15 июля 1916 г., и В.М. Козобину, 24 июля 1916 г.).

¹⁴⁵ Об антивоенных беспорядках в стране см.: *Анфимов А.М.* Российская деревня в годы первой мировой войны (1914–1917 г.). М., 1962. С. 347–348 и др.; *История первой мировой войны, 1914–1918* / Ред. И.И. Ростунов. М., 1975. Т. 1. С. 228.

¹⁴⁶ Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны, 1914–1917 гг.: Сборник документов / Ред. А.М. Анфимов. М., 1965. С. 492, 513.

¹⁴⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 5. Ч. 4. Б. Л. 6 (записка № 3 начальника АГЖУ, 14 августа 1915 г.); Л. 12 (донесение начальника АГЖУ, 4 сентября 1915 г.); Д. 167. Ч. 4. Л. 4 об. – 8 (донесение начальника АГЖУ, 30 октября 1915 г.).

¹⁴⁸ Там же. Л. 7–8 (доклад начальника АГЖУ Фагоринского в Министерство внутренних дел, 30 октября 1915 г.).

¹⁴⁹ Там же. Л. 2 об. – 3 об., 10 об., 14, 17 (доклады начальника АГЖУ Фагоринского, 30 октября и 24 декабря 1915 г., 13 февраля и 22 марта 1916 г.); Л. 19 (доклад начальника АГЖУ А. Кормилаева, 17 октября 1916 г.). См. также донесения уездных исправников за 1916 г.: ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1494.

Таким образом, война расставила основные фигуры на поле будущей революции в Архангельской губернии. Привести их в движение должна была лаконичная телеграмма из Петрограда, сообщавшая о крушении царского режима.

Глава 2

РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. НА СЕВЕРЕ И РОЖДЕНИЕ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Весна 1917 г. в Архангельске выдалась на редкость ранней и теплой. После первых морозных мартовских дней неожиданно наступила оттепель. Уже 7 марта на лед Северной Двины выступила вода, затруднив сообщение с Соломбалой и железнодорожной станцией на другой стороне реки¹⁵⁰. А вскоре, раньше положенного срока, отяжелевший от воды лед двинулся вниз по течению Двины. Вместе со льдом рушились остатки прежнего режима в губернии.

Революция в Архангельске, как и вообще в российской провинции, мало соответствовала столичному образцу. На Севере не было привычных примеров двоевластия, партийного противоборства и роста массовой поддержки большевиков. Напротив, все выборные органы и политические партии сообща пытались противодействовать углублявшемуся экономическому и политическому кризису. А большевики на протяжении 1917 г. занимали маргинальное положение в местной политике. Если ход революции на Севере не подчинялся революционным законам Петрограда, то архангельская «контрреволюция» также имела собственное лицо. В Архангельской губернии антибольшевистское движение являлось во многих отношениях прямым продолжением локальной революции, а не «контрреволюцией», принесенной исключительно извне белыми офицерами и отрядами Антанты. Региональные лидеры, вышедшие на политическую арену в первые месяцы революции, местные органы власти и организации, оформившиеся в 1917 г., продолжали играть существенную роль в годы Гражданской войны и во многом повлияли на антибольшевистское движение на Севере. Чтобы понять особенности Белого движения в крае, необходимо проследить основные линии, по которым разворачивалась революция в Архангельской губернии с февраля 1917 г. и до прихода противников большевиков к власти в Архангельске в августе 1918 г. Этому периоду и посвящена настоящая глава.

¹⁵⁰ Попов Г.П. Старый Архангельск. Архангельск, 2003. С. 432.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.